

Шурик

Лариса жила в центре города на проспекте Ленина. По наследству от мамы, бабушки и даже прабабушки ей досталась одна комната в коммунальной квартире.

Двадцать лет назад мама Ларисы вышла замуж за папу и пошла жить к нему на ул. Щорса на краю города. А на пр. Ленина остались жить бабушка и прабабушка. Потом родилась Лариса, умерла прабабушка. Бодро бежали годы. На семейном совете решили, что Лариса должна пойти в хорошую школу в центре города, и ее переселили к бабушке. В пятницу или в субботу ее забирали домой. Ларису устраивал такой расклад. В школе весело, подружки замечательные, кружки по интересам. А что бы она делала, живя с родителями? После школы сидела бы взаперти... Родители чувствовали свою некоторую вину, и поэтому старались как можно ярче украсить Ларочке субботу и воскресенье. Потом умерла бабушка, и родители переселились в центр. Папина квартира осталась пустовать, но он там был прописан. Это был старый, ужасно обшарпанный двухэтажный дом: три квартиры на первом этаже, три – на втором. Все квартиры однокомнатные, с туалетом и душем, но дряхлые невообразимо. За домом жители заняли кусочек земли, поделили его на шесть участков, и каждому достался огородик размером четыре-пять кв. метра. Картошку собирали по два ведра, не густо – зато своя.

Периодически родители обсуждали тему обмена. Надо бы обменять эту квартиру и комнату в коммуналке на двухкомнатную... Но хороший обмен не попадался, а может, искали как-то вяло, не настойчиво.

Потом Лариса окончила школу, поступила в медицинский техникум учиться на медсестру, устроилась на работу в поликлинику, в регистратуру.

И среди этого благополучия такая трагедия – болезнь и смерть мамы!

А время – оно не лечит. Оно не заштопывает раны...

(Эрих Мария Ремарк)

Лариса жила с папой. Месяц пролетал за месяцем...

Папа стал переживать, что Лариса никуда не ходит, а сидит все вечера с ним. Конечно, она занимается, учеба у нее, контрольные, но про личную жизнь тоже не надо забывать...

Если подружки куда-то звали, он настаивал, чтобы пошла. Однажды после какой-то вечеринки ее провожал парень. Подойдя к подъезду, он игриво спросил: "Может, пригласишь на чашечку чая?" "Ну, пойдем", – ответила наивная Лариса. Увидев в комнате мужчину ("Познакомьтесь, это мой папа"), кавалер тут же расхотел чая и испарился.

=====

После смерти мамы папа как-то сразу сник, стал как будто меньше ростом, изменился цвет лица, прыгало давление, болело сердце. Но он как-то крепился. После случая с кавалером папа решил переехать к себе, освободив для дочери жизненное пространство.

– Ларочка-Ларисочка, моя хорошая, послушай меня. Я понимаю, что сейчас молодежь по-иному живет, для нас, стариков, непривычно. Я не ретроград, не моралист. Мешать тебе не буду. Но ты очень хорошо подумай, прежде чем на что-то решиться. (Лариса, конечно, поняла, что он имел в виду.) Если парень тебя не любит по-настоящему, погуляет и бросит, тебе будет очень больно, а мне будет еще больнее. Я твою маму так любил, что даже за руку взять стеснялся... Эх, что говорить... Если сильно любят, то зовут замуж...

Он переехал, и там, в одиночестве, совсем расклеился. Хотя соседи были очень хорошие. Все пожилые, больные, но забегали друг к другу, поддерживали, помогали, чем могли.

Ларисе стало еще тяжелее. Она приезжала к папе в пятницу вечером, стирала, убирала, готовила. Оставалась до понедельника. Потом стала приезжать два раза в неделю, потом через день. О личной жизни некогда было думать. Пришлось взять в техникуме академический отпуск.

=====

Как-то в перерыв подружка-сотрудница вытолкала Ларису посидеть в садике: "Хоть воздухом полчаса подышишь." Лариса сидела на краю скамейки и грустно жевала свою булочку, запивая кефиром. К другому концу скамьи подошла цыганка с девочкой. Лоре стало неудобно – вдруг цыганка начнет приставать: "Давай, красавица, погадаю, ручку позолоти и т.д." Но сразу встать и уйти было неловко и как-то невежливо. А цыганка, не обращая внимания на девушку, достала из сумки пирожки, завернутые в промасленную бумагу, и они начали есть. Цыганка сидела в полоборота, почти спиной к Лоре, лицом к девочке. Они разговаривали по-своему, девочка иногда бросала на Лору быстрые взгляды и от этого казалось, что говорят о ней. Лора закончила кушать и решила – самое время встать и уйти.

– Хочешь пирожок? – вдруг спросила цыганка.

– Спасибо большое, я только что поела.

– Не торопись, у тебя еще минут пятнадцать есть. Ты хорошая, добрая. Печали много.

В это время ее девочка что-то сказала, на что цыганка одобрительно улыбнулась и продолжила.

– Комната у тебя плохая, сглаз на ней или порча. Поменяй ее.

Снова девочка сказала что-то, и снова цыганка ласково и одобрительно улыбнулась.

– Домой придешь, кровать переставь в другое место и свечи каждый день зажигай. Мы пошли, нам пора.

– Спасибо, спасибо вам. Подождите, я хотела... вот, – она вытащила из сумочки и протянула девочке шоколадку.

У Лоры часто в сумочке были конфеты или шоколадки. Добросердечные пациентки поликлиники любили ее за доброту и внимание. Особенно заботливо она относилась к пожилым и старикам. Сопровождала их в кабинет (все равно идти туда относить историю болезни), бережно вела под руку. Объясняла по нескольку раз одно и то же, ни капельки не раздражаясь. Вот поэтому и угощали ее благодарные больные кто конфеткой, кто шоколадкой. А иногда и домашними пирожками...

– Сердце у тебя доброе... Детей будет много... Рожать два раза будешь... – Странные слова сказала цыганка и ушла с дочкой, не оборачиваясь.

На работе она рассказала все удивительные предсказания цыганки самой близкой своей подруге Маре (Марусе не нравилось ее имя, она просила называть ее Марой. Никто не возражал, все ее так и называли, поэтому и мы будем ее так называть). Лора училась с Марой все десять лет в школе, вместе поступили в училище, вместе (такая удача!) устроились на работу в поликлинику. Мару поставило в тупик предсказание о большом количестве детей.

– Много – это сколько? Три? Четыре? Пять? Почему не спросила? Если рожать будешь два раза, то, может, будут двойни или даже тройни... Ух, ты!

Вторая, такая же близкая, подруга была соседка Наташа. Она была на три года старше. Девочки росли вместе, было с кем посоветоваться, с кого брать пример (коммуналка, если она была дружная, имела свои плюсы). Наташа была замужем, имела дочку Вареньку – очаровательное существо трех с половиной лет, любимое всеми соседями. Муж работал шофером при большом начальнике. Наташа сидела дома с малышкой. Подрабатывала портнихой – обшивала жен тех больших начальников, которых возил муж. Собиралась отправить Вареньку в детский садик и пойти куда-нибудь работать – уж очень надоело дома сидеть.

С ней тоже поделилась Лора удивительными словами цыганки.

Наташу огорчили слова об обмене – не хотелось расставаться с любимой подругой. Но предсказание о большом количестве детей?!.. Это было что-то ... запредельное. Одинокая Лорочка, без мамы, то есть без помощи и поддержки, в наше время будет иметь много детей?...

– Кроме близнецов, есть вариант, что ты выйдешь замуж за вдовца с двумя-тремя детьми, и сама родишь два раза, как сказала цыганка.

Лора очень любила детей, но ее как-то не обрадовал вариант выйти замуж за вдовца. Вспомнив житейское правило, что проблемы надо решать по мере их поступления, она отложила вопрос о детях на неопределенное будущее и задумалась о квартире.

Войдя в свою комнату, Лора передвинула мебель, то есть поменяла местами кровать и этажерку с книгами. Поставила на стол таз, налила туда воды на два-три см. В середину таза поставила мисочку с зажженной свечой. Вода окружала островок с горящей свечой. Она уедет к папе, а свеча здесь будет гореть еще долго и безопасно.

Потом Лора уложила в сумку домашний творог и яблочное пюре, приготовленные для папы. Все это она делала почти машинально. Она думала об обмене. Вот если бы тогда, еще при жизни мамы, они бы объединили свои квартиры, теперь она жила бы с папой, лучше ухаживала за ним, а не моталась по автобусам. Здоровье у него все хуже...

Не прошло и получаса, как она была готова. Свеча продолжала гореть, но сильно коптила. (Сильно коптящая свеча, как потом объяснила всезнающая Мара, признак плохой, грязной ауры) Крикнула Наташе в полуоткрытую дверь: "Я уехала к папе, буду завтра", и решительно направилась в открытое недавно около автобусной остановки агентство.

Ее принял симпатичный молодой мужчина Владимир. Ему было лет 37-38, то есть молодой в нашем понимании, а юной Лоре он показался весьма солидным и серьезным. Он не назвал своего отчества, и Лоре все время хотелось обратиться к нему "дядя Володя". Рассказывая ему свою ситуацию, она чуть не расплакалась... Владимир обещал помочь. Найти обмен было нелегко – одна комната в коммуналке, вторая квартира – хоть и отдельная, но на окраине, в совсем старом, дряхлом доме...

Прошел месяц. Несколько раз приходили к Лоре смотреть квартиры. Два раза не понравилась ее комната. Как назло, у соседки – старухи тети Кати – было плохое настроение (простояла длиннющую очередь, и прямо перед ней закончились сосиски, такие вожделенные охотничьи сосиски!), и она громко хлопала крышками кастрюль на общей кухне. И милая Варенька, повизгивая и покрикивая, бегала по коридору – она играла в паровоз.

Несколько раз не подошла папина квартира...

И вот неожиданно позвонил Володя.

– После работы зайди ко мне в офис. Есть хороший обмен, они на все согласны.

=====

Жила одна женщина со взрослым сыном. Оба пили безбожно. Привел как-то сын к себе женщину – жену, значит. Расписался, прописал – все, как полагается. Жена тоже не прочь выпить. Вот и пили они, соображая на троих. Старуха получала пенсию, сын и его жена где-то или числились, или работали, или делали вид, что работали, одним словом, какие-то копейки были. Молодая жена взяла бремя распределения финансов в свои руки. Действовала она очень разумно. Сразу с полочки оплачивала квартиру и коммунальные услуги, покупала картошку, колбасу и крупы – в расчете по одной картошке, горсти крупы и два кружочка колбасы в день на человека. Все остальные деньги шли на выпивку. Как-то молодая жена привела в дом страхового агента, который принес целых две бутылки отличной водки. И застраховала мужа на большую сумму. Наследниками стали жена и мать. Справедливости ради надо сказать, что себя тоже застраховала в пользу мужа.

Шло время, пили они все больше, опускались все ниже, урезая свою продуктивную норму до ... как сказал Владимир, "до 125 граммов блокадного пайка, прости меня, Господи, за кощунственное сравнение".

Допились до белых чертиков, женщины оказались, как всегда, сильнее. Особенно плохо почувствовал себя молодой муж, и спасти его не удалось.

Свекровь и Вдова получили страховку, жить вместе стало невозможно. Каждая обвиняла в беде другую. Надо было размениваться.

Владимир убедил их, что придется доплатить немалую сумму – ведь они отдадут одну, хоть и большую, комнату, а получают две отдельные. Они были согласны, были деньги, полученные по страховому полису, которые, однако, быстро таяли. Владимир показывал им много различных квартир, но каждая из женщин из вредности отвергала тот вариант, который нравился другой. В конце концов, они ему так надоели, что он перестал с ними работать. Теперь он вспомнил о них и решил, какой бы это был хороший вариант для Лоры. Комната в коммуналке, большая, светлая, в центре города, недалеко от ее нынешней. Тихая, ласковая девушка уживется с любыми соседями.

Свекровь пойдет на окраину города, ей центр не нужен. Там квартира с туалетом и душем и есть даже огород за домом. Надо будет выудить у них доплату побольше. Девчужке деньги нужнее, а им меньше на выпивку останется.

С такими мыслями и благородным намерением помочь Лоре Владимир отправился к этим пьянчужкам (как он их мысленно называл). Уже поднимаясь по лестнице, он услышал крики, визг, свистки и грозный мужской окрик. Хотел даже уйти, но любопытство взяло верх.

В большой коммунальной кухне было много народу, по-видимому, полный кворум всего коллектива. В разных углах сидели его пьянчужки – Свекровь и Вдова – всклокоченные волосы, рваные халаты, синяки и царапины на лицах. В середине кухни сидел милиционер и составлял протокол. Все кричали одновременно. Смысл криков сводился к претензиям к представителю власти: "Мы так больше жить не можем! Ни днем, ни ночью покоя нет, а мы рабочие люди. Они матюгаются, а у нас дети малые. У них грязь, клопы и тараканы. Арестуйте их, увезите их куда подальше. А то мы их просто убьем..."

С появлением Владимира наступила тишина – все удивленно смотрели на симпатичного представительного мужчину с папкой в руке.

Вдова узнала его, протянула к нему руки и заскулила: "Во-во-володечка, помоги". Она так старательно тянула руки, что, не удержавшись, потеряла равновесие и упала со стула на пол. А все подумали, что она падает на колени перед вошедшим мужчиной. По кухне прошел гул. Каждый шепотом выяснял у стоящего рядом, что происходит и вообще, кто это.

Володя подошел к милиционеру, представился, показал свои документы. Объяснил, что он агент из обменного бюро, показывал им несколько вариантов для обмена, но они капризничают, не соглашаются. Тут поднялся такой невообразимый шум, что даже милиционер со своим свистком еле их успокоил.

Володя рассказал, что такого замечательного варианта больше никогда не найти. Описал с чувством замечательные квартиры, куда переселятся пьянчужки.

Одна комната совсем недалеко, тоже на пр. Ленина. Другая квартира с собственным душем и туалетом, свой личный огород – все эти подробности привели соседей в состояние крайнего возбуждения: "Везёт же такой заразе!" Описал остальным их чудную, спокойную и покладистую будущую соседку – Лору. Печальная история – недавняя смерть мамы и преданная забота об отце – покорила соседей, уже заранее ее полюбивших. Общий вердикт коммунального собрания был вынесен единогласно: обмен произвести немедленно. Даже не осматривая будущие квартиры, даже не давая им времени на размышления. Немедленно!

Владимир достал из папки анкеты, которые у него всегда были под рукой на всякий случай. Младшую пьянчужку – Вдову – подняли с колен, придвинули к столу, и под общими суровыми взглядами она безропотно подписала все бумаги. Старшая крепко спала и пробудиться ее никак не удавалось.

– Так, товарищи, давайте сделаем вот как. Завтра утром в 8:30 я заеду за ними. К этому времени обе должны быть готовы, умыты, причесаны, одеты. Без грамма алкоголя, только стакан рассола. Если хотите, чтобы все прошло гладко, вы должны мне помочь.

Вдову и Свекровь потащили в их комнату, уложили по кроватям.

Владимир продолжал руководить, при этом он каждый раз уважительно спрашивал участкового его одобрения.

– Дорогие соседи, убедительная просьба, соберите все пустые бутылки, сдайте их, а вырученные деньги держите для новой соседки. Возможно, она захочет обои поклеить, окна покрасить... Хоть какая, а помощь.

Соседи с энтузиазмом принялись собирать порожнюю тару – этих свидетелей скатывания человека вниз, вспять по лестнице эволюции. Они валялись не только под кроватями, их было немало по всей комнате – на подоконниках, в шкафу, в буфете, по углам, конечно, на столе и даже в пустом холодильнике.

Потом Владимир сказал участковому, что было бы неплохо подготовить сегодня все необходимые документы: паспорта, ордер на квартиру, оплаченные жировки на коммунальные услуги, свидетельства о браке, смерти и т.д., чтобы завтра утром не искать.

Участковый растолкал Вдову, спросил о документах. Она долго не понимала, что от нее хотят, наконец, показала пальцем на обувную коробку на шкафу. Владимир при свидетелях выбрал все нужные бумаги,

сложил их в большой конверт и торжественно вручил той же даме – старосте, главе, президенту, комиссару – выбирайте любое звание.

– Под Вашу ответственность, уважаемая. Завтра утром я буду у Вас. Заберу их и этот конверт. Напоминаю, чтобы они были в приличном виде и без грамма алкоголя.

Довольные соседи начали расходиться. Кто-то, сердобольный, даже пожалел будущих соседей пьянчужек с таким "приобретением". Но участковый пообещал, что наведет порядок. Во-первых, та комната, куда переселяется Вдова, на пр. Ленина, находится на его участке. Ни пьянства, ни шума, ни, тем более, дебошей, он не допустит, будет весьма строг с ней с первого дня переселения. А квартира, где будет жить Свекровь, на окраине, на ул. Щорса, находится в ведении его приятеля Алексея, с которым они вместе учились в школе милиции. Он предупредит друга.

Володя рассказывал все это Лоре с юмором, заметно сократив ту часть повествования, в которой он ее расхваливал, чтобы не смущать.

– Ну, все, Лорочка, если ты сейчас едешь к папе, я тебя подвезу, а завтра, не позже девяти, чтобы была готова. Поедем оформлять. – Он еще раз проверил с ней список необходимых документов.

=====

Ночь у папы прошла относительно спокойно. Несколько раз Лора просыпалась, прислушиваясь к папиному дыханию. Один раз она даже подошла к нему. Папа улыбнулся ей, он не спал.

Утром Лора проснулась рано, наскоро позавтракала, приготовила папе яблочное пюре. Он лежал, закрыв глаза, дышал ровно. В 8:15-8:20 она решила сбегать в соседний гастроном за молоком.

– Пап, я за молоком, туда и обратно, дверь не закрываю.

Отец открыл глаза и поморгал в знак согласия. "Ему даже говорить трудно", – Лора бежала в магазин и плакала.

Когда отец оставался один, дверь никогда не запирали. Добрые соседи часто заходили к нему, старались помочь, чем могли. Особенно часто заходил Герасим – о нем речь впереди. Но сейчас соседей не было – все побежали в магазин. К пасхе выбросили в продажу какие-то продукты. В одни руки давали по килограмму сахара, банке болгарских овощных консервов "Лечо" и баночке майонеза. Очередь вилась вокруг магазина, но продажа еще не началась – рабочие таскали ящики, а народ терпеливо ждал. В молочном отделе очередь была совсем маленькая. Через десять минут Лора уже бежала домой.

Вбежала в комнату и бросилась к кровати. Каждый вдох и каждый выдох давался отцу с трудом. Он так ее ждал, так ждал и вот, дождался. Улыбнулся.

– Ларочка-Ларисочка, – сказал он тихо, только губами. Так папа называл ее всегда. Мама звала Ляля или Лялечка. Учителя – Ларисой, подружки – Лорой. А папа – только так – длинно и очень ласково.

Улыбнулся... Закрыл глаза. В уголке рта показалась пена. И это было всё...

Лора без сил опустилась на пол и зарыдала. Одна она, совсем одна. Еще вчера она была взрослой, самостоятельной, главой семьи, ответственной за больного пожилого человека, а сейчас, в один миг, стала маленькой, потерянной девочкой – сиротой. Рыдания сотрясали ее – хорошо, что соседей нет.

Большая разница, как плачет человек наедине с собой или рядом с кем-то. Некого стесняться или подсознательно оценивать себя со стороны...

– Не плачь, Ларочка-Ларисочка, – раздался за спиной тихий детский голос, полный жалости и сострадания. Лора резко обернулась. В углу комнаты на полу сидел мальчик лет четырех-пяти, обхватив коленки, и жалостливо смотрел на нее. Лора не заметила его, когда вбежала в комнату, так как его заслонила открытая дверь, и вообще, она не осматривала комнату.

– Ты кто?

– Я – Шурик.

– Как ты сюда попал?

– Я вошел, дверь была не заперта.

Лора поманила его рукой. Он с готовностью вскочил и подбежал. Замер около нее на мгновение, а потом потянулся к ней и крепко обнял за шею. Он как будто почувствовал, как ей нужна поддержка, даже его, маленького и слабого. Вот она и перестала так горько рыдать...

А время – оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта.

(Эрих Мария Ремарк)

- Как ты узнал мое имя?
- Он сказал: "Сейчас придет моя Ларочка-Ларисочка".
- Откуда ты пришел?
- Оттуда, – он опять показал на дверь.
- Я ничего не поняла, расскажи, пожалуйста, все по-порядку.
- Я стоял в подъезде, – обстоятельно начал малыш.

“Такой чистенький ребенок, – между тем размышляла Лора. – Так красиво одет, курточка модная, брючки вельветовые. Может быть, малыш потерялся на улице, зашел в любой ближайший подъезд? Может быть, к кому-то из соседей пришли гости или родственники (хотя все соседи за долгие годы совместной жизни знали всех посетителей друг друга) с ребенком? Решили пойти вместе в магазин, стоят в очереди, про ребенка забыли (звучит, конечно, странно)? Ребенок пропал! Тут такой крик должен был стоять! Ребенок пропал! Вся улица на ушах стояла бы. А тут тишина, на улице вообще никого, все в очереди. А теперь о нем надо заботиться, куда его деть?”

– Потом я захотел пи-пи, – продолжал Шурик. – Я постучал в дверь, а она сама открылась. Я вошел, подошел к дяде и спросил: "Дяденька, ты что, больной?" Он сказал: "Да". Он говорил очень тихо. Тогда я спросил: "Можно мне пойти в туалет?" Он показал мне рукой вон туда. Я пошел, пописал, я смыл, как надо, и руки помыл, – убедительно говорил малыш, глядя на Лору синими-синими глазами. – Потом я подошел к нему и спросил: "Может быть, тебе надо дать лекарство?" Он сказал: "Нет". Тогда я спросил его: "А может, ты хочешь кушать? Здесь в баночке твоя еда". Он сказал: "Лучше ты покушай, не стесняйся. Сейчас придет моя Ларочка-Ларисочка. Она нам еще много еды даст". Я и поел. Ты не сердись на меня?

Лора покачала головой.

– Сколько тебе лет, Шурик? – спросила Лора, все еще не выпуская малыша из объятий.

Он растопырил ладонку, потом загнул большой пальчик и показал: четыре.

– Как зовут твою маму?

Шурик задумался, наморщил лобик. Было видно, как он усиленно пытается вспомнить.

– Я не помню, – растерянно сказал он.

Вдруг он вздрогнул, выскользнул из Лориных объятий и отбежал в свой угол, сжавшись в комочек. У него был отличный слух, он раньше Лоры услышал звук подъехавшей машины и шаги в подъезде.

Владимир вошел в комнату и сразу все понял. Такая удачная, с таким трудом выстроенная сделка срывается!.. Нет, отступать рано.

– Соседи в курсе? Кто-нибудь знает, что случилось?

– Нет. Все в очереди в магазине с раннего утра. Придут, наверное, не скоро.

– Так, встань скорее, пойдешь умыться. Мы сейчас поедим, попробуем все оформить сегодняшним числом.

А потом ты приедешь и позовешь соседей. Мебель будешь забирать или оставишь?

Про мебель он спросил, чтобы немного отвлечь Лору, но это не помогло.

– Заберу только книги, письменный стол, настольную лампу и кресло.

И снова слезы... Лоре стало так больно, аж сердце сдавило.

Уйти, оставить папу одного... Как можно? Она стояла в растерянности, не зная, как поступить, и посмотрела на Шурика, будто надеясь на поддержку. Володя посмотрел в ту же сторону.

– Кто это?

– Это Шурик.

– Кто он? Что он здесь делает?

– Это...это мой племянник.

Лора никогда не врала. Я не хочу сказать, что она была такая честная-пречестная по натуре. Просто ей не приходилось врать. Если что-то шло не так, она всегда могла всё рассказать родителям, зная, что ругать

её не будут, а будут вместе искать выход из ситуации. А правда всегда, в конечном счете, лучше и даже практически выгоднее лжи. Лора просто не привыкла врать, и на любой вопрос из нее сразу автоматически вылетал правдивый ответ. А тут почему она соврала?

Володя не давал времени на размышления. Он схватил ее сумку с документами и вытолкнул их с Шуриком за дверь.

– Потом мне спасибо скажешь, – проворчал он себе под нос. Ему самому эта затея была не по нутру.

На заднем сиденье машины сидели сердитые друг на друга Свекровь и Вдова. Видно, не остыли еще после вчерашней драки. Рядом с Володей села Лора, держа на руках Шурика. Она внимательно смотрела на улицу – вдруг заметит мечущуюся женщину в поисках пропавшего мальчика. Почему она соврала Володе? А как рассказать правду? Какую правду? Ведь она сама ничего не знает... Она поняла, что просто не хочет расставаться с Шуриком. Она украла ребенка! Ведь по закону она должна отвести его в милицию...

– Ты можешь отвести его на время к кому-нибудь из подружек или знакомых?

– Да, к соседке Наташе.

Через некоторое время она ворвалась к Наташе:

– Натусенька, я оставлю тебе Шурика на время. Я еду с Владимиром оформлять документы. Приду, все расскажу и заберу его. Возьми там у меня в холодильнике что-нибудь, покорми его.

– Делать мне нечего, как по твоему холодильнику лазать. Уж я как-нибудь смогу его накормить.

– А что это за мальчик? – влезла в разговор любопытная и вездесущая тетя Катя.

– Это мой племянник. Его мама уехала с кавалером, оставила его мне на... некоторое время.

– Что-то я не помню у твоей мамы ни брата, ни сестры. Откуда племянник появился?

Лору прошиб холодный пот.

– Это родня с папиной стороны, двоюродная сестра моей бабушки. Вы их не знали, – крикнула она уже в дверях.

=====

Как прошел этот день, Лора не помнила. Исполком, все три ЖЭКа, еще куда-то и снова исполком. Новые ордера, выписки, новые прописки в паспортах... Наверное, странно выглядели все три женщины разных возрастов, с пустыми глазами, послушно выполнявшие все указания Владимира: "Вышли из машины, быстро на второй этаж, сидите здесь, ждите, подпишите здесь и здесь, опять в машину..." Прямо зомби какие-то. Если требовалась подпись отца, Владимир уверял, что больной и слабый человек сидит у него в машине, мол, сейчас отнесу ему бумаги и вернусь. В машине он аккуратно подделывал подпись и прибегал обратно. Лора плакала и мысленно просила у папы прощения.

Наконец, все было позади. Акция стоила Владимиру немало нервов, времени, бензина, трех коробок конфет и двух флаконов французских духов. Наконец, Владимир остановил машину около Лориного подъезда.

– Так, дамочки, давайте рассчитываться.

Дамочки залезли в верхние укромные места, достали по пачке купюр, завернутые в носовые платочки, и начали отсчитывать. Владимир аккуратно пересчитал и передал деньги Лоре.

– Теперь мой гонорар, пожалуйста.

– Как, разве твоя оплата не входит в эту сумму? – попыталась робко возразить Вдова, впрочем, понимая, что спорить бесполезно.

Лора хотела было вернуть ему деньги, чтобы он отсчитал то, что ему причитается. Но он выразительно посмотрел на нее, мол, сиди и помалкивай.

– Послушайте, мои дорогие. Вы помните, сколько месяцев я с вами возился? А вчера спас вас от милиционера и пятнадцати суток ареста за дебош – вы хоть это помните?

Женщины молчали, опустив головы, они ничего не помнили, но утром им все в подробностях рассказали добрые соседи.

– Я вам нашел обмен, и остальное меня не касается. Мог бы получить эту же сумму и бросить вас на произвол судьбы. Вы бы сами толкались по инстанциям, оформляя обмен. У вас бы ушло больше двух

месяцев, куча нервов и не меньше денег. А я вам все оформил и даже не попросил дополнительную плату. Как вам не стыдно торговаться!

Получив честно заработанный гонорар, Владимир повернулся к Свекрови.

– Так, уважаемая гражданочка, Лариса продает вам роскошную мебель: шкаф, буфет, стол, стулья, кровать, диван, кухонную мебель, телевизор и холодильник! Насколько я помню, у вас из своей мебели нет ничего кроме одной старой кровати. Вы мне говорили, что все в квартире принадлежит вашей невестке.

Выудив из старухи еще несколько сотенных купюр и передав их Лоре, Володя неожиданно погладил ее по голове.

– Иди, девочка. Бог тебе в помощь.

Лора попрощалась, вышла из машины и, обливаясь слезами и прижимая к груди сумку с документами и деньгами, вошла в подъезд. Она чувствовала себя предательницей. Стоил ли ее поступок той цены, которую она заплатила?..

А время — оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто накрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта. И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль...

Эрих Мария Ремарк

Но ведь теперь у нее есть деньги, она сможет достойно похоронить папу, справить поминки и на переезд останется.

А в машине тем временем Вдова решилась робко попросить:

– А можно, мы квартиру посмотрим?

– Нет, – строго сказал Владимир, – пока собирайте и пакуйте свои вещи, и только через три дня можете переезжать.

Он решил, что три дня Лоре должно хватить на похороны...

=====

Несколько лет назад ближайшая папина соседка – Василиса Степановна, которая всегда была источником новостей со всей округи, рассказала, что в милицейский участок назначен новый молоденький начальник – Алексей Семенович. Эта новость не произвела особого впечатления на пожилых и, конечно, законопослушных жителей старого дома, которые никогда не имели никаких контактов с милицией.

Микрорайон был менее благополучным по сравнению с центром, но и не сильно криминогенным. Много пьяниц, вытрезвитель вечно переполнен, а в остальном не так уж и страшно. Алексей Семенович успешно справлялся с работой на вверенном ему участке.

Жители нашего дома называли молодого и симпатичного милиционера между собой Алешенькой, а на людях для пущего авторитета – обязательно уважительно по имени-отчеству.

За два года до описываемых событий в подъезде появился БОМЖ. Василиса Степановна вошла в подъезд, тяжело нагруженная несколькими вилками капусты, уже предвкушая наслаждение квашеной капустой с мочеными яблочками, и увидела сидящего в углу страшного, заросшего, лохматого человека.

– Ты что здесь делаешь? – строго спросила она (честно говоря, на самом деле она немного испугалась).

Бомж стал что-то мычать, прижимал руки к сердцу и очень выразительно и жалобно смотрел на Василису.

Василиса вспомнила, что в их селе жил немой мужик, добрый и безобидный, которого бабы жалели, кормили, а он всегда услужливо выполнял работы, требующие большой физической силы, всем, кто его звал.

– Ты что, немой?

Тот в ответ закивал головой, смущенно улыбаясь.

– Сиди тут, я сейчас.

Василиса вошла в дом, подогрела ему полную миску супа и вынесла с ломтем хлеба. Немой благодарно поклонился, прижимая руки к сердцу, перекрестился (что привело добрую женщину в умиление) и только потом бережно принял миску и хлеб и степенно, не торопясь, начал есть, хотя было видно, как он голоден.

Василиса стала думать, что с ним делать. Постепенно подтягивались другие соседи. Она каждому заново рассказывала, как вошла, увидела, поговорила, накормила и так далее. Соседи высказывали свои соображения. Немой (которого они уже успели назвать Нёмой) жалобно смотрел на всех. Было достаточно шумно.

Вдруг открылась дверь, и в подъезд вошел Алексей Семенович.

– Я тут проходил, слышу шум у вас. В чем дело? – увидел Нёму. – Это что за непорядок? Гражданин, ваши документы.

Нёма растерянно развел руками.

– Придется забрать вас в участок до выяснения.

Тут все загалдели, мол, не надо человека в участок, он ведь никого не обидел, ничего не нарушил, немой, обиженный судьбой, несчастный и так далее...

Алексей слушал всех и думал, что делать – ему самому не хотелось возиться с грязным стариком.

В это время в подъезд влетела Лариса. Это была серьёзная пора – выпускные экзамены на аттестат зрелости, а дома, как назло, болела у Наташи маленькая Варенька. Кричала и плакала так, что всем соседям покоя не было. Они, соседи, жалели и сердились одновременно. Вот папа и придумал, чтобы Ларочка-Ларисочка, собрав все свои учебники и конспекты, занима-лась в его тихой квартире на Щорса. Если это была суббота, она оставалась там ночевать, а в будние дни папа сам приезжал поздно вечером забирать ее. В подъезде она с удивлением остановилась.

– Что здесь случилось, Василиса Степановна?

– Вот! Вот! – воскликнул Алексей. Выражаясь высоким стилем, он не просто воскликнул, а патетически воскликнул, указуя перстом при этом на Ларису. – Как тебя зовут, девочка? (Лариса была маленькая, выглядела молодо, да еще в школьной форме – вполне тянула на такое обращение)

– Лариса.

– Вот! Вот! – еще раз воскликнул Алексей. – Вы, граждане, не понимаете, о чем говорите. Посмотрите, вбегает девочка в подъезд, а тут бомж!

Нёма сразу понял, о чем речь. Он стал мычать еще сильнее, делая отрицательные жесты. Потом он перекрестился, заплакал и обреченно затих.

– Слушай меня внимательно, девочка. Никогда не вбегай в подъезд, если ты одна. Сначала открой щелочку, загляни и только потом, если никого нет, заходи. Поняла?

Вот вы все его защищаете, так теперь думайте, что с ним делать. И завтра утром я буду ждать вас, уважаемая гражданка (он обратился к Василисе Степановне, правильно угадав в ней лидера квартирного сообщества). Доложите мне, что вы решили.

И ушел, весьма довольный своей хитростью – возложил на соседей заботу о грязном убогом старике, прекрасно понимая, что никто не захочет пустить бомжа к себе в квартиру. Соседи, действительно, не знали, что делать.

Василиса снова, в который раз, начала рассказывать всю историю теперь уже Ларисе. Когда она сказала, что он немой, мычит так, как у нее в селе мычал их односельчанин, Лариса сказала полуутвердительно, полувопросительно: "Его зовут Герасим".

– Почему Герасим?

– Ну, потому что "Му-Му". Впрочем, какая разница. Его надо помыть, переодеть и постричь. То есть сначала постричь, собрать какую-нибудь одежду. Вот мой папа сможет дать старую фланелевую рубашку, я знаю, он ее давно не носит, потому что полиняла. Сейчас папа придет и тогда вы, дядя Матвей, – обратилась она к соседу со второго этажа, – вместе с папой поведёте его в баню.

Если в некотором коллективе возникает растерянность, люди не знают, что делать, как поступить, и вдруг кто-то дает какое-то дельное решение, разумное предложение, то все обрадованно начинают выполнять. Все соседи разошлись по квартирам перебирать старые вещи. Василиса принесла кальсоны

своего покойного мужа, совсем почти новые, как она сказала, только с одной заплаткой. Другие соседи тоже принесли, что не жалко. Собрали полный гардероб.

Следующим действием была стрижка. Никто не хотел – "Еще, упаси Боже, ухо задену".

Пришлось этим заняться Лоре – сама предложила, сама и стриги.

Она довольно успешно справилась с этой работой. Оставила Герасиму-Нёме короткую круглую бородку, и волосы на голове укоротила до самого минимума. Папа с Матвеем повели Герасима-Нёму в баню, а женский коллектив остался решать, что с ним делать дальше. Нашелся старый тюфяк (давно надо было выбросить, а вот ведь пригодился), который положили на лестничную площадку между этажами. Пусть пока там перекантуется. А завтра, предложила Лора, пусть Василиса Степановна пойдет с ним в соседний гастроном и попросит взять его на работу – ящики таскать или ночью магазин охранять.

С тех пор прошло года два или чуть больше. Герасим успешно работал в гастрономе, спал там же в подсобке. Слух у него был отменный, несколько раз спасал магазин от ночных воришек, так что заведующий был доволен. Так как у него не было документов, он не был оформлен, плату получал натурой. Утром он таскал ящики, убирал двор, потом скромно ждал оплаты. Заведующий давал ему буханку хлеба, бутылку кефира, колбасные обрезки и кое-что еще, что было в наличии. Он степенно ел (все обращали внимание, с каким достоинством он кушал, – бездомные, нищие, убогие так не едят) хлеб с колбасой, запивал кефиром. Потом тихонько выглядывал из-за угла, ждал, когда Алексей Семенович пойдет на осмотр своего района или на перерыв к Клаве-буфетчице (не хотел с ним сталкиваться), тогда быстро шел в "свой" дом к добрейшей Василисе Степановне, к которой приносил все остальные законно заработанные продукты. Она делила их по справедливости между соседями. Герасим показывал на соседнюю дверь, мол, где Лора и ее папа?

Потом он шел за дом, на огород и работал на нем. Вспахивал, окучивал, поливал, сажал новую рассаду. Приносил откуда-то навоз, удобрял землю. Из поломанных ящиков соорудил решетки, воткнул их в землю. По этим решеткам вился горох, к ним он подвязывал ветки помидоров – так сэкономились полезные квадратные метры огорода. А по краю он посадил подсолнечники – такая красота! И зимой радость – семечки полугзгать. Соседи были очень довольны, но при этом испытывали некоторую неловкость: вроде Герасим у нас как батрак работает. Поэтому все старались для него вовсю: то чем-то вкусненьким угостить, то обновку какую (опять же ношеную, но не столь дряхлую) подарить, то брали его с собой в парк или в кино. Василиса Степановна брала его с собой по воскресеньям в церковь. Но самым большим удовольствием был для него поход в баню с Матвеем. Ко всеобщему удивлению, он не пил ни грамма, мычал, что-то пытаясь объяснить. В конце концов соседи решили, что он относится к какой-то непьющей секте, вроде пятидесятников или субботников (хотя никто в этом не был большим знатоком) и оставили его в покое. Когда совместно отмечали праздники или дни рождения, в конце стола сидел смущенный Герасим и Василиса Степановна наливали ему в рюмку заранее сваренный компот.

Время шло с положенной скоростью 24 часа в сутки, принося разного рода новости. Лора окончила школу, потом прибежала радостная, сообщила, что поступила в училище. Потом пришло горестное известие о смерти мамы. Всем коллективом вместе с Герасимом были на похоронах. И вот Виктор Михайлович переселился, как мы помним, обратно в свою квартиру, чтобы освободить Лоре жизненное пространство.

Изредка Лора сталкивалась на улице с Алексеем Семеновичем, вежливо здоровалась. Он спрашивал, как ее дела, был в курсе болезни папы...

Герасим по несколько раз в день заходил его проведать. Но в тот день в гастроном привезли товар и было много работы... Мы уже знаем, что случилось в этот трагический день.

=====

Шурик, временно оставленный у соседки Наташи, скромно стоя у двери, внимательно осматривал помещение, куда он попал. Он был уверен, что это ненадолго, Ларочка-Ларисочка обязательно заберет его. Она так сказала.

– Здравствуй, дружок. Как тебя зовут?

– Шурик.

– А я тетя Наташа. Идем, я познакомлю тебя с Варенькой, будете играть вместе. А потом я вас покормлю. Варя, Варенька, иди сюда.

Варенька вошла и обомлела. Она скучала одна, мама так редко брала ее в парк на детскую площадку, вечно у нее срочные заказы. Каждый раз ей обещали, что через месяц отправят в детский садик, и вечно откладывали. У нее было много игрушек, но одной все равно скучно. И вот перед ней стоит такой красивый мальчик с ярко-синими глазами. Варенька взяла его за руку и повела в свою комнату. Обилие игрушек восхитило Шурика. Они с удовольствием начали играть.

Через некоторое время Наташа вошла к ним и позвала кушать.

– Хочу играть, не хочу кушать, не хочу-у-у, – завопила Варя.

Варенька была весьма капризной особой. После долгих болезней в младенчестве, она запомнила, что криком можно многого добиться. И чуть что – сразу в крик. Слез при этом не было, только крик и плаксивая интонация. Шурик удивленно смотрел на нее. Потом он подошел к ней и что-то тихо сказал на ухо. Крик оборвался мгновенно, как будто у радио повернули ручку тумблера. Он взял Варю за ручку и повел в столовую.

– Мы готовы, тетя Наташа. А где руки помыть?

Она показала, а мозг сверлила одна-единственная мысль – как бы узнать, какое волшебное слово сказал этот чудный мальчик ее капризуле?

Дети сидели за столом и ели, болтая ножками. Вошла любопытная тетя Катя.

– Ах, какой хороший мальчик. Как тебя зовут?

– Шурик, – ответила за него Варя.

– А сколько тебе лет?

– Четыре.

– А как зовут твою маму?

Шурик задумался, нахмурил бровки. Брови у него были разные. Одна полукругом, а другая изломанная, уголком... От этого взгляд его синих-пресиних глазенок казался еще более удивленным. Когда он хмурился, эта разница бровей становилась более заметной. Видно было, как старательно он думает, напряженно вспоминает.

– Я не помню, – растерянно сказал малыш.

– Как это можно мамино имя не помнить? А как папу зовут ты тоже не помнишь?

Шурик растерянно молчал, глаза его начали наполняться слезами. Варенька не могла с этим смириться. Она соскочила со стула, подошла к тете Кате и молча начала выталкивать ее из квартиры. Взрослые растерянно смотрели друг на друга, но так как Наташа не остановила дочку, обиженная тетя Катя вышла. А Варенька молча подошла к Шурику и обняла его. Было ясно, что она никогда, никому не даст его в обиду. К первой загадке прибавилась вторая...

Потом Наташа уложила детей на послеобеденный сон. Варя не капризничала, во всем слушалась Шурика. Наташа присела на краешек дивана к мальчику.

– Ты не расстраивайся – если что-то забыл, потом обязательно вспомнишь.

– Я вспоминаю, вспоминаю, но никак не получается...

– А что ты Вареньке сказал, чтобы она не плакала?

– Я сказал, что девочке нельзя плакать, а то у нее будет некрасивое лицо.

– Надо же, какой ты умница. А кто тебя этому научил?

– Не знаю, кто-то сказал, а я запомнил.

– Мы будем с тобой дружить. Ты нам очень понравился.

– Вы мне тоже.

В промежутке между оформлением забежала на пять минут Лора, рассказала обо всем, нежно поцеловала спящего Шурика. Наташа тоже рассказала о том, что произошло.

=====

В этот период тяжелейшего горя и похоронных забот Лору сверлила мысль о Шурике, о милom, добром ребенке, который так сострадательно и горячо обнимал ее в тот страшный миг. Если найдутся его родители, – как они отнесутся к ней? С претензиями или с благодарностью?

Хорошо, что есть добрые друзья... Помогали и соседи по папиной квартире, и верная подруга Мара, и несколько бывших папиных сотрудников. Наташа все эти дни заботилась о Шурике. Все прошло в высшей степени прилично и достойно. Ближайшая папина соседка Василиса Степановна взяла на себя хлопоты по организации поминального стола. Она пошла к заведующему гастрономом, сначала спросила, доволен ли он работой Герасима, рассказала, что Герасим по доброте душевной приносил больному то яблочко, то еще что. А теперь этот достойный человек умер, и вот она пришла попросить хоть какие продукты. Василиса Степановна выпросила косточки на холодец, ребрышки и другие субпродукты (на пирожки), селедочку (с горячей картошечкой в самый раз будет), горошек и майонез (на винегрет и салат оливье). И еще Герасиму трехдневный отпуск – он как помощник просто необходим.

=====

Прошло три дня, которые Свекровь и Вдова провели в напряжении. Они подозревали Владимира в жульничестве, сокрушались об отданной без всякой расписки солидной сумме денег, постоянно разглядывали новые документы. Наконец, строго указанные три дня прошли, и Свекровь со Вдовой, набравшись храбрости, решили сами сначала поехать в свои новые апартаменты, посмотреть, прежде, чем перевозить вещи. Первым делом отправились в квартиру, которая была в нескольких кварталах. Соседка Наташа, будучи в курсе дела, показала им комнату и объяснила, что Лариса сейчас там, на Щорса, поезжайте туда. Комната Вдове очень понравилась. Еще бы, если в комнате чисто убрано, то это всегда создает приятное впечатление.

Лариса помнила, как мама говорила, что женщина производит впечатление, если у нее красивая прическа и элегантные туфли. Так и квартира сразу обращает на себя внимание красивыми занавесками и сверкающим паркетом или красивым ковром. Вот Лариса и содержала свою комнату в чистоте и уюте с красивыми тюлевыми занавесками и большим ковром на полу.

Довольные женщины поехали на окраину города, сверяясь с новым адресом в паспорте. И попали... на поминки. Лора представила их соседям, усадила за стол.

Им налили по граненому стаканчику водки за упокой души незнакомого им Виктора Михайловича, мебель которого будто еще хранила тепло его души и теперь доставалась чужой женщине.

Алексей Семенович, оповещенный Василисой Степановной о поминках и приглашенный ею, тоже зашел ненадолго. Ему предложили выпить, он сказал, что, так как при исполнении, пить нельзя, но чисто символически сам налил себе на доннышке стакана грамм 30, подошел к Ларисе, выразил свое соболезнование.

– Слышал, что ты переселяешься. Там, в центре, где ты будешь жить, мой приятель участковый. Вместе в школе милиции учились. Если будут проблемы, подходи, не стесняйся. Или к нему, или ко мне, сразу обращайся, поможем, чем можем.

Потом он извинился, что должен уходить. Василиса вышла его проводить.

– А кто этот с бородой в конце стола сидит? Знакомое лицо, а не припомню.

– Это наш Нёма-Герасим, – с гордостью поведала Василиса, – помнишь, как хотел его в кутузку вести? А он сейчас уважаемый человек, работает в гастрономе. – И тут же прикусила себе язык. Он же не оформлен по документам, как бы завмага не подвести.

– А эти две дамочки с красными глазами?

Василиса объяснила, что та, которая постарше, будет теперь здесь жить.

– А-а, это та самая пьянчужка, о которой предупреждал приятель? А ну-ка, вызови мне ее в коридор, надо посекретничать.

Свекровь вышла, с испугу на всякий случай не отпуская от себя невестку, забыв обо всех распрях – все-таки свой человек, не чужая.

– Послушайте, дамочка. Хочу вас ознакомить со здешними правилами. Если пожелаете выпить на свои кровные, никто вам препятствовать не будет.

Тетки облегченно выдохнули, что не укрылось от наблюдательного милиционера.

– Но если, упаси вас Боже, я услышу хоть какой-то шум, крики, вечеринки с собутыльниками, громкое радио или телевизор гремит, если соседи хоть раз пожалуются, то я со всей строгостью арестую на

пятнадцать суток за нарушение общественного порядка и посажу в камеру с самыми отпетыми бандюганями. Ой, как вы тогда пожалеете! Все понятно?

– Да, да, конечно. Не беспокойтесь, мы тихие, все будет спокойно, – лепетали испуганные "дамочки", прижимаясь друг к другу.

– Можете идти, – королевским жестом отпустил он их, – завтра перевозите вещи.

Василиса Степановна вышла вместе с Алексеем Семеновичем в подъезд.

– Алексей Семенович, голубчик, а ты чего не женишься? Молодой, красивый, при делах, а совсем один. Непорядок.

– Да, видно, не нашел еще свою суженую, – его явно смущал этот разговор.

Но Василиса Степановна была настойчива, она держала его за рукав, не отпускала.

– А чего ее искать, вот она вся на виду. Ларочка-то наша. Работает в поликлинике. Вот восстановится в училище, выучится на медсестру. Такая милая да скромная.

– Да будет Вам, Василиса Степановна. Я же старик рядом с ней, мне скоро 28 стукнет.

– Тю, это что, возраст что ли? А ей скоро 20 будет, в самый раз. Ты, голуба, подумай, подумай. Я тебе плохого не посоветую.

Алексей еле оторвался от хитрой старушки, торопливо откозырял и выскочил из подъезда.

Ему нравились женщины крупные, чтобы было за что подержаться, взрослые, ровесницы (а если немного старше, тоже не беда). Веселые и смелые. Как Клава-буфетчица. Нет, он совсем не заглядывался на Клавку, притом она была замужем и у нее была дочка лет пяти. Просто женщины такого типа были, на его взгляд, привлекательнее. А Лариса полная противоположность: маленькая, тихая, стеснительная. Он всегда помнил, как увидел ее в первый раз, влетевшую в подъезд в коричневой школьной форме. Она всегда была для него школьницей (а он же не педофил, в конце концов).

Когда ему было столько лет, сколько сейчас Ларисе у него была большая любовь с девушкой не его круга. У неё в доме была домработница. Там цитировали римских стоиков, обсуждали французских импрессионистов, читали Стейнбека в подлиннике. Вроде как в старинном романе "Он был титулярный советник, она – генеральская дочь...", который как-то пели в её доме. Нет, этот роман не подходит, ближе звучит современная песенка М.Башакова про Элис.

<<А что это за девочка? И где она живет?

А вдруг она не курит? А вдруг она не пьет?

А мы такой компанией возьмем да и припремся к Элис!..

Элис? Кто такая Элис?

Красиво одевается, красиво говорит.

И знает в совершенстве английский и иврит.

Ну, а мы с такими рожками возьмем да и припремся к Элис!..>>

Девушка боялась познакомить его со своими родителями, встречались тайком. Беременность в 4 недели не давала много времени на размышления – решать надо было немедленно. Ее мама узнала обо всем и сказала дочке: "Подумай как следует, сможешь ли ты жить на скромную зарплату, в одной комнате, растить детей и вести хозяйство без домработницы. Подумай хорошенько." Девушка подумала, как следует, и разом покончила с прошлым, вырвав любимого из сердца, а зародыш из чрева. Известие о том, что она сделала аборт, страшно потрясло Алексея. Он очень любил детей и всегда представлял себя в будущем окруженным детьми. У него будет сначала трое или даже четверо мальчиков, а потом пусть будет девочка, если жена захочет. Он будет ездить с пацанами на рыбалку, ходить в походы...

А она... она... убила его сына!.. Три года он не мог смотреть на женщин.

Да и сейчас больно, как вспомнит. Разбередила рану старуха.

А время — оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто накрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта. И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль... и новую жизнь.

(Эрих Мария Ремарк)

=====

Даже во время похорон и поминок Лору не оставляла мысль о Шурике. Она как бы невзначай спросила у Василисы Степановны, не слышала ли она о потерянном мальчике в их районе. Василиса удивилась вопросу – нет, ничего такого она не слышала.

Весь вечер после поминок и часть ночи в своей квартире Лора провела в сборах. Мара и Наташа помогали ей. Шурик сладко спал. Лора рассказала им всю правду. Ребенок ничейный. Найденыш. У себя держать без документов нельзя. Отдать – кому? Милиция заберет его в детдом. Ребенок поверил ей, что она его тетя. Как теперь можно отдать? Наташа рассказала, что некоторые вопросы о его родне вызывают слезы, он не помнит – и это не похоже на ложь, он действительно страдает, хочет вспомнить и не может.

Следующим по порядку проблем был переезд. Наташин муж привел своих друзей, они споро со всем справились. Перевезли вещи на новое место, сложили их в середине комнаты, накрыли клеенкой, помогли поклеить обои и покрасить окна и двери. Мара пришла со своим кавалером. Это был очкастый музыкант, ничего не умеющий, но старавшийся всем помогать, что надо подносил, уносил. В середине дня пришли Наташа с Варей и Шуриком, принесли рабочему классу котлеты с макаронами и даже пиво с воблой. Ну, угодила, матушка...

Закончили ремонт, расставили мебель. Зашли соседи, вручили конверт с выручкой от сданных бутылок, рассыпались в комплиментах.

Весь следующий день Лора драила квартиру, повесила красивые тюлевые занавески и шторы, натерла мастикой пол. А мысли ее были заняты одним вопросом: "Что делать?" Шурик был рядом, старался помогать.

– Ларочка-Ларисочка, а мы пойдем сегодня в гости к тете Наташе?

Удивительно, он называл ее Ларочкой-Ларисочкой, как папа, только наедине, а если кто-то был рядом, то "тетей Ларисой". Сам так решил, ведь никто ему это не подсказал...

– По Вареньке соскучился? Пойдем попозже.

– А ты отдашь меня в детский садик вместе с Варенькой? Тетя Наташа говорила, что она пойдет работать, а Вареньку – в детский сад. И я был бы в саду, когда ты на работу пойдешь.

– Конечно, дорогой, надо только документы оформить. Без документов никак не получится.

Всю ночь она не спала и решила, что, в конце концов, без милиции не обойтись. Надо выпросить, чтобы выписали какую-нибудь фальшивую справку... Зайти к участковому их района, которого советовал Алексей Семенович? Как-то неловко к совершенно незнакомому человеку с такой личной проблемой. Еще начнет возмущаться... Пойду к самому Алексею Семеновичу – все расскажу и пусть будет, что будет.

Утром после завтрака она отвела Шурика к Наташе, которая не только не возражала, но была рада, так как Варенька при нем не капризничала, вела себя замечательно. У нее, у Наташи, оставалось время для срочной работы. А ночью ей муж сказал: "А давай заберем мальчонку себе, усыновим..."

Когда Наташа передала Лоре слова мужа, та возмутилась:

– Нечего, своего рожайте, а Шурика я вам в зятя отдам.

=====

И вот Лора робко постучалась в окошечко милицейского участка.

– Что у вас, гражданочка?

– Мне надо поговорить с Алексеем Семеновичем.

– По какому вопросу?

– По личному.

Милиционер поднял трубку.

– Алексей Семенович, к вам тут одна очень молодая и очень симпатичная девушка на прием рвется. Говорит, по личному делу. Я бы очень хотел с ней поговорить на личные темы, но она только к вам хочет, – говорил постовой, игриво поглядывая на Лору.

Алексей Семенович выглянул из кабинета и весьма удивился.

– Лариса, ты ко мне? Заходи.

Лора долго собиралась духом, Алексей терпеливо ждал.

– Мне очень трудно вам все рассказывать... И еще здесь так официально, а у меня дело личное. Если бы мы были в другом месте...

– Может, ты хочешь, чтобы мы в кафе пошли посидеть? — спросил Алексей. В его голосе можно было заметить самую маленькую толику иронии, потому что он вспомнил вчерашний разговор с Василисой Степановной. Но Лора не заметила, так была взволнована.

– Нет, нет. Это еще хуже, там же люди... Ладно, я все расскажу, а вы дайте слово, что никому не расскажете.

– Я даю тебе слово, никому ничего не расскажу. А если нужна помощь, то сделаю все, что смогу, но закон нарушать не буду.

Лора тяжело вздохнула и начала свой рассказ. Рассказ не был длинным. По мере ее рассказа улыбка сползала с лица Алексея.

– Понимаете, я не могу его в садик устроить, в поликлинике карточку открыть, прививки делать, — Лариса грустно подвела итог. — Если его заберут в детдом, он там пропадет. Вопросы о его родне вызывают слезы, он ничего не помнит. Может, его дома били по голове, и он потерял память. Ребенок поверил мне, что я его тетя. Усыновить не разрешат как молодой, одинокой и не слишком обеспеченной. Что теперь делать?

Алексей сидел, задумавшись. Он тоже не знал, что делать. Потом поднял трубку и набрал номер. Лариса напряглась. Кому он звонит, кому он хочет рассказать ее секрет? Алексей звонил в Центральное городское Управление милиции к одному своему знакомому. После обычных приветствий Алексей приступил к делу.

– Мне нужна сводка за месяц по всем потерянным и найденным детям по нашему городу и области.

Алексей поставил телефон на спикер, чтобы Лариса могла слышать.

– А зачем тебе?

– Пока точно не могу сказать, заявления еще не было, но ты все-таки сводку мне пришли.

– Кто тебя интересуется? Мальчик, девочка?

– Мальчик, четыре года, голубые глаза.

– Нет таких, насколько я помню. Я только вчера сводку видел. Нашли девчущку в корзине около церкви, месяцев девять-десять будет, так наши девчата сказали. Отправили в дом ребенка. Еще девочка... А мальчишки все семь лет и старше, из дома бегут. Вот беда... Недавно поймали одного, аж до Черного моря сумел добраться. По поездкам побирався и доехал до Одессы. Пришел в порт и спрашивает: "Где тут корабли в Африку плывут?" "А тебе зачем?" "В Африку уплыву, тогда меня отец не найдет". Представляешь, беда какая — так отец его лупил, что он в Африку решил удрать. Вернули пацана. Я посадил отца на пятнадцать суток, спрашиваю: "Ты зачем сына бил?" А он говорит: "Я его уму-разуму учу, чтобы человеком был, чтобы не пил, чтобы на меня не был похож".

Алексей еще поговорил с приятелем, вспомнили некоторых общих знакомых, однокурсников и распрощались.

– Ничейный, выходит, твой пацан. Нет заявлений о пропаже мальчика лет четырех, никто его не ищет, никому он не нужен... кроме тебя.

– Меня это очень устраивает. Мой он теперь будет. Но вообще-то это очень странно — такой чистенький, ухоженный и одет очень красиво, вещи на нем не дешевые были...

– Так, — подытожил Алексей, — я сейчас поеду в центр, мне в Управление надо. И тебя заодно подвезу. Освобожусь часа через два и зайду к тебе, посмотрю на пацана. Или лучше не к тебе, а в парк подойду, к детской площадке, а ты там с ним будь.

– Только вы, пожалуйста, его не спрашивайте про родителей, а то он вдруг опять плакать начнет.

– Понял, не волнуйся.

Они вышли из кабинета. Дежурный милиционер встал, отдал честь, в глазах прыгали смешинки. Алексей пропустил Ларису вперед, подошел к окошечку отдать указания. Милиционер поднял большой палец в знак одобрения, мол, достойный выбор, товарищ начальник. Алексей показал ему кулак, но не смог удержать улыбку — вот черти молодые!

Дома Лариса наскоро приготовила обед и пошла с Шуриком в парк. Он катался на детской горке, когда увидел человека в милицейской форме, подходившего к Ларисе. Он кубарем скатился с горки и сломя голову бросился к своей дорогой Ларочке-Ларисочке, вскарабкался к ней на колени, крепко обнял за шею и очень серьезно, почти сердито смотрел на мужчину – как будто хотел защитить ее от опасности.

– Здравствуйте, уважаемая Лариса Викторовна, – подчеркнуто официально откозырял Алексей, – и тебе привет, дружок.

– А вы знаете мою тетю Ларису? – объятия Шурика немного ослабли.

– Конечно, знаю. Мы с ней друзья. Я еще помню, когда она в школе училась и приходила в свою квартиру на ул Щорса. Ты помнишь эту квартиру, где лежал больной Виктор Михайлович – папа Ларисы?

– Да, конечно. Он совсем был больной, а потом умер...

– А откуда ты знаешь?

– Мне Варенька сказала. Она все знает.

– А кто это – Варенька?

– Это моя подружка. Я с ней люблю играть. У нее много игрушек. Ее мама – тетя Наташа – подружка моей тети Ларисы. Варенька скоро пойдет в детский сад, и я тоже хочу с ней вместе.

– А у тебя есть игрушки?

– Нет, но тетя Лариса сказала, что купит. Вот после отпуска она пойдет на работу, получит зарплату, и тогда будут денежки и на игрушки хватит.

– Между прочим, мы с тобой еще не познакомились. Алексей, – он протянул ладонь малышу, – можешь называть меня дядя Алеша.

– А я – Шурик.

– Так, значит ты с Варенькой играешь? Но у нее, наверное, одни куклы? В какие же игры вы играете?

– В разные. Иногда я ухожу на работу, как будто я – доктор. А Варенька приходит ко мне с куклами и мишкой, и я их лечу. А иногда мы играем в школу, и я учу ее кукол. Я уже три буквы знаю, – Шурик рассказывал с увлечением. – Вот буква О, как кружочек, а буква С – как половина кружочка, а буква Ш – это моя буква, как расческа.

– Какой ты молодец! Кто это тебя научил?

– Не знаю, наверное, никто меня не учил, я сам по себе узнал.

– А скажи, пожалуйста, каким образом Лариса тебе тетей приходится?

– Это родня с папиной стороны, двоюродная сестра. Вы их не знали. Она уехала с кавалером и оставила меня у тети Ларисы на некоторое время, – Шурик бодро говорил этот заученный текст.

– А ты хочешь покататься на каруселях или на большом колесе?

Шурик задумался, он явно хотел, но что-то его удерживало. Он переводил взгляд своих ярко-синих глазенок с Лоры на Алексея (с тети Ларисы на дядю Алешу) и обратно.

– Вы меня угощаете? – наконец, решился он.

– Конечно, – рассмеялся Алексей и протянул малышу руку.

Ребенок нравился ему все больше и больше. Пока он катался на карусели, Лариса и Алексей рассуждали.

– Обрати внимание на буквы, которые он знает. Обычно обучение начинают с "А" – с первой буквы, его учили нестандартно, наверно, из творческих людей. Речь правильная, четкая.

– А какая у него память! Он повторил слово в слово о родственных связях то, что я сочинила на ходу для любопытной соседки. И Наташа рассказывает, как быстро он запоминает стихи. Вы спросите его – он любит декламировать: "Ехали медведи на велосипеде..." Неужели нельзя какую-нибудь фиктивную справку достать, ну, что метрика (свидетельство о рождении) потеряна что ли?

– Если метрика потеряна, то идут в архив и просят дубликат. А в архив какого района, или какого города мы пойдем? – Алексей не заметил, что сказал "мы" – он тоже принял судьбу малыша близко к сердцу, тоже хотел, чтобы ребенок остался у Ларисы. – Мы даже его день рождения не знаем?

После карусели Алексей хотел повести их в кафе-мороженое, но Лариса пригласила его отобедать, так сказать. Алексей засмутился было, но Шурик решительно тянул его за руку.

– Пойдем, пойдем, тебе понравится, обед очень вкусный.

Обед прошел, как говорят дипломаты, в тёплой, дружественной обстановке. Лариса достала оставшуюся с поминок початую бутылку водки, но Алексей сказал, что не пьет.

Алексей не то чтобы был ярым апологетом трезвого образа жизни, он бы с удовольствием выпил, но держал себя в ежовых рукавицах силой воли. Дело в том, что он быстро пьянел, полностью терял контроль и на утро абсолютно не помнил, что говорил и что делал. А для его должности и положения такое состояние было абсолютно недопустимо. Он четко знал свою норму – 100 грамм, и ни капли сверх того. Но позволял это себе крайне редко. Мы помним, что на поминках, где отказываться полностью совсем нельзя, он выпил символические 30 грамм.

– Завтра я приду и скажу, что надумал.

Он по взрослому пожал руку Шурику, откозырял Ларисе и ушел, оставив ей надежду. Всю ночь Лариса не спала, надежда сменялась отчаяньем. Дата рождения – это важная дата. Если вдруг появится возможность "нарисовать" ему фальшивую метрику, то надо сразу, не задумываясь, продиктовать его данные.

Так, дату ему сделаем 9 мая – хороший, праздничный день. Отчество пусть будет Викторович. Как будто его папа тоже Виктор – тёзка моего. А фамилия?.. Родители очень любили артиста Тихонова. Вот решено – пусть он будет Александр Викторович Тихонов.

=====

Когда Алексей принимал дела у предыдущего начальника, ушедшего на пенсию, то получил в наследство четкий, аккуратный архив с анкетами всех тех жителей района, которые не слишком дружили с законом. Там были дела пьяниц – завсегдаев вытрезвиловки, семейных дебоширов, осужденных и отправленных в места "не столь отдаленные", и вернувшихся оттуда, за которыми нужен был особый и незаметный надзор. Он запрашивал копии судебных дел, отзывы из тюрем об арестованных и пополнял архив, который иногда оказывался весьма полезным. Алексей был благодарен предшественнику за науку и продолжал вести картотеку.

Среди вернувшихся и ставших на путь праведный был некий Степан. Лет ему было около 50-ти, из которых он провел за решеткой больше половины. Его очень ценили в преступном мире за то, что он изготавливал отличные ксивы (на блатном языке – документы). Когда-то в молодости он прекрасно рисовал, делал чеканку. Кто-то попросил, Степан не отказал, попался, сидел. А тюрьма – она сильно ломает человека. И меняется отношение к нему после отсидки. Он становится изгоем и путь один – снова в тюрьму...

И вот сейчас он живет в своей каморке, зарабатывает себе на жизнь тем, что рисует плакатики, для магазинов ценники, объявления, рекламы. Харкает кровью, знает, что дни его сочтены. Своим бывшим друзьям категорически отказывает, говорит, что ему осталось недолго и умереть он хочет на воле.

=====

На следующий день Алексей пришел после работы. Принес Шурику большой игрушечный самосвал, чем привел малыша в неописуемый восторг.

Пообедали. Шурик читал Алексею стихи, рассказал, что тетя Лариса научила его новой букве – "А". О деле не говорили, так как опасались прекрасного слуха Шурика. Стемнело, Лариса пошла проводить Алексея, и на улице он поведал ей о Степане и посоветовал пойти к нему и все рассказать. Если он этим уже, по слухам, не занимается, пусть подскажет, к кому обратиться. Алексей взял с нее слово, что никому никогда не расскажет она об их разговоре, особенно, подружкам, ведь он идет на очень большое нарушение, что вообще говорит на эту тему. Лариса поклялась, что не подведет.

Утром она уже робко постучала в каморку Степана. Он с удивлением встретил ее, внимательно выслушал.

– А кто это тебя ко мне направил?

– Не обижайтесь, дядя Степан, я поклялась, что не скажу.

– Так я больше такими делами не занимаюсь.

Глаза Лоры наполнились слезами.

– Его у меня заберут и отдадут в детский дом. А он там пропадет. Потому что он нежный, мягкий и очень добрый. Что там с ним будет?

– Да, тут ты совершенно права...

Этот довод стал решающим – Степан сам был детдомовский. (Кто знает, как бы сложилась его жизнь попади он в детстве в добрые руки. Он хорошо рисовал. Мог бы стать художником, а сейчас вот бирочки рисует...)

– Так тебе, милая, метрика не нужна.

– ???

– Тебе нужна простая бумажка, справка, мол, выдана взамен утерянного свидетельства о рождении: имя, фамилия, отчество, дата рождения, родители, все честь по чести, подпись и круглая печать.

– А кто мне такую справку напишет?

– Поезжай, девочка, в Сосновку, там делопроизводитель – Васька, кореш мой, он тебе за поллитра что хочешь нарисует. Никто никогда не проверяет справки. А Васька ничем не рискует, в случае чего он скажет, что печать и подпись кто-то подделал, а он тут ни при чем. А ты скажешь, что эта справка была у пацанчика в кармане, когда ты его нашла.

– Дядя Степан, миленький, поезжайте со мной. Я одна не смогу, этот ваш Василий меня выгонит, и что я потом буду делать?

Степан печально глядел на Лору.

– Сил у меня больше не осталось, помереть скоро мой срок придет. А тут надо до автобусной станции доехать, потом на рейсовом автобусе полтора часа трястись, да там походить туды-сюды придется. Мне самому все время хотелось старые места повидать. Наш детдом на окраине села был, мы с пацанами все туда на базар бегали, авось что перепадет...

– Давайте, я такси возьму.

– Уж не дешево тебе эта справка станет...

Он вышел из своего жилища, позвал пробежавшего пацана и попросил передать какому-то Петру Петровичу, что бы тот зашел к нему. Ждать пришлось недолго.

– Петр, скажи, ты ведь частенько в Сосновку со своей бабой на базар едешь?

– Ну?

Короче говоря, Степан сторговался, что завтра утром Петр возьмет его и Ларису. Она заплатит за бензин.

Вечером Лора, воодушевленная надеждой на успех, все рассказала Алексею, который почему-то не разделил ее радость. Ему не нравилась идея отпустить Лору в такой далекий путь с двумя мужиками...

– Он сказал, что едет в Сосновку со своей бабой, то есть с женой, – вспомнила Лора, – а еще я могу Шурика с собой взять.

– Защитник, – усмехнулся Алексей. В конце концов он решил так:

– Я буду неподалеку в машине. Если увижу, что он с женой едет, то все в порядке, а если только мужики, то мимо проеду, как бы невзначай, поздороваюсь, спрошу, куда направляетесь. Ты мне скажешь, что в Сосновку, тогда я предложу подвезти.

Следующим утром Лора с Шуриком и двумя (на всякий случай) поллитрами стояла около квартиры Степана. В двух кварталах виден был милицейский газик с наблюдающим из него Алексеем. Подъехал Петр с женой, Степана посадили рядом с шофером. Жена, Лора и Шурик сели сзади, и машина тронулась. Проехали мимо милицейского газика. Лора улыбнулась, пряча лицо и якобы поправляя Шурику носочки, – ей была приятна забота Алексея.

В Сосновке машина остановилась на центральной площади. Лора передала Степану сумку с поллитрами и бумажку с данными, и он пошел в сельсовет. Петр отвез жену на базар и вернулся за своими пассажирами. Наконец, Степан вышел и радостно подмигнул Лоре. Поехали на базар. В машине он передал Лоре конверт. Не выдержав, она заглянула и увидела заветную справку. Степан попросил ехать медленно и грустно смотрел на сильно изменившееся со времен его детства село. На базаре он приценивался к салу. Лора поняла скудость его средств и купила ему (он слабо возражал) добрый шматок сала, банку нутряного жира и банку меда. Еще кусок сала для Алексея и еще мед для себя с Шуриком.

Приехали они обратно, и Лора решила зайти навестить Василису Степановну. Когда вошли в подъезд, Шурик внимательно огляделся и радостно сообщил.

- Я помню, я здесь стоял, а потом зашел в эту дверь.
- А кто тебя сюда привел? – осторожно спросила Лора.
- Не помню, – печально после паузы сказал Шурик.

Василиса была очень рада видеть Лорочку.

- Познакомься, пожалуйста, это тетя Василиса.
- Василиса Прекрасная? – радостно спросил Шурик, чем немедленно покорило сердце старушки.
- Василиса Степановна, это Шурик – мой племянник.

Потом на кухне она шепнула Василисе версию, ставшую стандартной: "Его мама с хахалем укатила гулять, и оставила его мне на некоторое время".

Василиса рассказала ей последние новости. На соседском собрании объявили новой соседке, что весь урожай этого года получит Лора, а уж на следующий год сама будет решать, что сажать.

– Так что жди, Ларисочка, как картошки накопает, придем к тебе с Герасимом в гости и жилье твоё новое заодно посмотрим.

=====

И вот, наконец, все проблемы, выстроенные в порядке поступления и очередности, подходили к концу. Обмен, похороны, поминки, ремонт, переезд, документы...

Осталось устроить Шурика в садик, восстановиться в училище, отметить 40 дней папиной смерти – и начнутся тихие и спокойные будни. Работа, дом, занятия, Шурик...

Часто приходил на обед Алексей. Ему было уютно и приятно в этом доме. Он, как уже было сказано, любил детей. Сильно привязался к Шурику. И к Лоре тоже. Может быть, это Шурик их связывал – особенно, когда они шли втроем в парк, малыш держал их за руки, соединял... А почему он так взволновался за Лору, когда ей предстояла поездка с незнакомыми мужиками. Вероятно, Алексей полюбил Лору, возможно, не так сильно, как ту, свою первую любовь. Эта горела неярко, ровно, как лампочка в 60 ватт, но не как яркий и жаркий огонь костра...

А Лора? Полюбила ли она Алексея? Она сама не сумела бы ответить на этот вопрос. Ей было приятно идти с ним в кино или в парк, были приятны его внимание и забота. Это настоящая любовь или просто симпатия?

А подружки все уши прожужжали: "Не морочь голову. Такой чувак попался: не пьет, хорошо зарабатывает, внимательный, и, главное, к Шурику хорошо относится. Чего тебе еще надо?"

Потеря Шуриком памяти волновала Лору, и еще беспокоила мысль: "А если он все вспомнит и захочет уйти к своей маме, к своей семье?.." Она посоветовалась со стареньким, опытным детским врачом в своей поликлинике.

– Если на голове нет следов травмы, возможно, это результат перенесенного стресса. Пусть рисует. Дети часто через свои рисунки выносят наружу свои проблемы, страхи, заботы – одним словом, то, что их волнует.

А оказалось, что Шурик любит рисовать и хорошо рисует. Алексей принес ему цветные карандаши, альбом и набор цветных мелков. Рисовал он много всего разного, но чаще всего на картинке была машина, стоящий рядом мужчина, иногда рядом с ним был ребенок. А в окне машины была видна женская голова со светлыми кудряшками. Последняя картинка привлекла внимание Алексея. Он поглядывал на Лору и на картинку, видно, хотел обсудить или обратить ее внимание на какую-то деталь. А комната-то одна, уединиться негде, у Шурика ушки, как локаторы – все слышит. Вот Алексей и засиделся позже обычного. Лора уложила Шурика спать.

Обычно он лежал с открытыми глазками, слушал сказку или обсуждал с Лорой прожитый день. Но как только он закрывал глаза, то засыпал мгновенно. Станный, очень глубокий сон. Его невозможно было разбудить. Его можно было раздевать, переодевать, переносить – он не просыпался. Через час он начинал ворочаться, сопеть – то есть сон становился похожим на нормальный, спокойный сон. Она поделилась с Алексеем, но он сказал: "Не бери в голову, перерастет..."

А потом велел ей внимательно рассмотреть картинку. Лора сказала, что он часто рисует этот сюжет. Иногда на картинке есть и другие машины, иногда там были дома, скамейки, другие люди с детьми и

колясками, солнышко, облака, птички, но машина, человек в черном и женская головка в окне машины – почти всегда.

– Наверное, это он рисует своих родителей, видимо, у них была машина...

– А ну-ка внимательно посмотри на лицо женщины в окне машины...

Лора пригляделась, потом посмотрела на Алексея. У женщины на рисунке были ярко-голубые глаза и разные брови. Одна полукругом, а другая изломанная, уголком... От этого взгляд ее синих-пресиних глаз казался удивленным или печальным.

– Это он рисует свою маму, – подумала Лора и глаза ее почему-то наполнились слезами.

Алексей думал так же.

– Не плачь... – Он обнял ее за плечи, притянул к себе, поцеловал почему-то в лоб. – Уже поздно. Я останусь?

Лора уткнулась ему в плечо. Молчание означало согласие.

=====

Прошло пять лет.

Все знакомые восхищались этой семейной парой. Такие спокойные, уважительные, никаких споров или конфликтов. Алексей работал там же, каждый год ожидал повышения и перевода в район попристойней. Лора окончила техникум и работала медсестрой в детском отделении городской больницы. Шурик учился с Варенькой в одном классе, они были неразлучны. Он занимался в изостудии дома пионеров. Рисовал фантастические города, необыкновенные урбанистические объекты. Педагог его очень хвалил, предсказывая успешное будущее. Те детские рисунки с машиной, черным человеком и женским лицом в окошке Лора спрятала. Шурик к этой теме не возвращался...

Часто, лежа ночью без сна, Лора размышляла о своей жизни. Счастлива ли она?

Все называют их семейной парой, а ведь они не расписаны. Как тогда Алексей остался, так и живет. А папа говорил: “Если сильно любят, то зовут замуж...”

Конечно, он и получку в дом приносит, не пьет, с Шуриком занимается. И дома все делает, хозяйственный, руки мастеровые... Ходят в кино, в театр или на концерты иногда выбирают. Праздники отмечают вместе. Мара со своим третьим кавалером (первый, который не особенно отличился во время ремонта у Лоры, был музыкантом. Мара рассталась с ним и потом очень жалела. Музыкант переехал в Москву, и, вместе с каким-то знаменитым оркестром, гастролирует по заграницам. Второй кавалер был грубым, а теперь на третьем, кажется, решила остановиться). Наташа с мужем (к этому времени они по совету Лоры завели себе еще ребенка – чудесного пацанчика, которому было уже три годика). Приятель Алексея (бывший участковый, а ныне переведенный в Управление) с женой и двумя детьми. Иногда эти четыре пары с 5-ю ребятами выезжали на речку, ловили рыбу, делали шашлыки.

Молчаливый он очень. Никогда не знаешь, о чем он думает. "Так ведь и я сама молчаливая. Никогда с ним не могу своими мыслями и чувствами поделиться. Вот не могу же ему сказать: "Пойдем, распишемся." Или так: "А не пойти ли нам в ЗАГС?"

И еще вот детей нет, своих... Может, родила бы она, и ребенок изменил бы Алешу немного. Он детей любит, вот как с ними играет. А своих нет. А он молчит. На эту тему она тоже стеснялась поговорить. Вообще, она до сих пор его стесняется, даже никогда не переодевается при нем.

Алексей начал задерживаться на работе. Сидел, развалившись в кресле, один в кабинете. Всех отпустит и размышляет. А счастлив ли он?

Лора у него хорошая, тихая, спокойная, не требовательная, не капризная, не скандальная. Конечно, она слишком тихая и слишком стеснительная. До сих пор стесняется, даже никогда не переодевается при мне. Была бы как-нибудь поярче, поактивнее. Вот Клавка-буфетчица (к тому времени разведенная, с десятилетней дочкой) слишком активная и шумная. Все глазки строит, приглашает, явно привлекает... Наверное, и ночью она, как огонь. Почему не бывает золотой середины? Вот была бы жена, которая ночью активная, а днем скромная, как Лора. А, главное, детей нет. Почему? Может, она не хочет? Может, что-то делает, какие-то свои бабские секреты применяет, чтобы не забеременеть? Поговорить бы надо...

Все эти размышления создавали невидимое внутреннее напряжение, которое тлело в глубине их душ, но пока никак не прорывалось наружу. Разве только еще *большей* грустью и еще *большим* молчанием и отчуждением.

=====

Прошел еще год. Наконец, Лора решила пойти к врачу.

– А почему вы пришли одна? – спросила худая жилистая женщина-врач, которую очень хвалили все ее пациенты. – Если у пары нет детей, должны прийти оба.

– Ну, я сначала хотела про себя все узнать, – смутилась Лора. – Он еще не знает, что я пришла.

– Ладно, посмотрим.

Осматривая, врач задавала всевозможные специфические вопросы. Потом, пока Лора одевалась, курила в форточку. На столе пепельница была полна окурков.

– Насколько я могу судить, ты здорова. Проблема бездетности у мужа.

– Это точно?

– Скажем, с вероятностью 95 %. Вдруг я что-то не углядела, хотя, навряд ли.

– А что может быть у мужа?

– Ничего страшного, может быть, слабая сперма.

– Как это слабая?

– Это не значит слабый мужик, а это только значит слабая, нежизнеспособная сперма. Или сперматозоидов мало, или они малоподвижные, или слабенькие. Это бывает от некоторых болезней, перенесенных в детстве, например, от обычной детской "свинки". Пусть придет – проверим.

И, заметив погрузневшие глаза Лоры, проницательная врач спросила:

– Ты не хочешь говорить с ним на эту тему?

Лора опустила голову.

– Нет.

– Ну, тогда усынови ребенка.

– Есть уже. Племянник мой. Мы его оба как родного любим. Но хочется еще деток. Мне уже двадцать пять.

– Тогда заведи любовника, – цинично усмехнулась доктор, закуривая новую сигарету.

– Как это, любовника?

– Испугалась? Ах ты, наивная душа. Я уж думала, что таких честных и порядочных уже нет. А вот, оказывается, не перевелись еще... Ну, тогда иди на искусственное оплодотворение от донора, но мужу ничего не говори. Им все знать не обязательно.

=====

Мара справляла свадьбу. Было шумно и весело. Лора старательно натягивала улыбку на лицо. Алексей пил, но меру свою помнил. После третьей рюмки пить остановился, но сидел мрачный, напряженный.

Пришли домой. И вдруг он достал из холодильника бутылку, налил две рюмки.

– Пей! – резко сказал он. – Разговор есть!

Посидел, помолчал, наконец, его прорвало, выплеснулось то, что накопело.

– Почему детей нет? Не хочешь?

– Я очень хочу. Не получается. – Лора держала рюмку в руке, но не пила. – Я уже у доктора была. Она сказала, что надо вдвоем приходиться.

– Что?.. Ты хочешь сказать, что это я бездетный? Да ты знаешь, дура, что у меня была девушка, которая от меня аборт сделала. Мы любили друг друга, а она... она моего ребенка зарезала, су... Просто ты детей не любишь, только Шурика одного, его больше любишь, чем меня, чем кого бы то ни было.

Лора сидела тихо, молча, боясь пошевелиться, беззвучно, без всхлипываний слезы тихо лились из глаз от такой страшной несправедливости.

Алексей после этого случая стал еще более молчаливым, хотя, казалось, куда уж больше, чаще задерживался на работе. Иногда приходил уже сытый. После его "ночных дежурств" она чувствовала легкий запах дешевых духов...

=====

Через шесть месяцев после свадьбы Мара родила мальчика. Пригласила Лору с Алексеем быть крестными родителями. Алексей отказался. Лора решительно открыла холодильник, достала ту же самую початую бутылку водки, налила две рюмки.

– Пей! Разговор есть!

Даже самый робкий и слабый человек способен на решительное действие или разговор, если он предварительно подготовился, мысленно отрепетировал и начал (ведь самое трудное – это начать).

– Почему ты молчишь? Ты хочешь уйти, но не знаешь, как сказать? Скажи, как есть. Я же все понимаю. Мы хорошо жили больше 6 лет. Мы не расписаны, никаких претензий друг к другу нет. Давай спокойно разойдемся, чтобы когда-нибудь, при встрече не отводили взгляд, чтобы можно было остановиться и спросить, как дела. Желаю тебе хорошей семейной жизни и много детей.

Этот разговор был для Алексея как никогда кстати. Клава сказала ему что ждет ребенка и рожать будет только при наличии законного брака. Мол, и первый ребенок у нее рожден в законном браке, и у второго ребенка должен быть законный отец. И хотя Алексей был доволен, что разрыв произошел по инициативе самой Лоры, что он прошел без слез и относительно спокойно, все равно чувствовал себя мерзавцем. Низко опустив голову, он собирал свои вещи.

Утром Лоре пришлось как-то объяснить ситуацию Шурику.

– Алексей с нами больше жить не будет. Он уехал.

"Как мама с кавалером" – подумал Шурик.

– Но как бы ни сложились наши жизни, – продолжала Лора, – всегда надо помнить только хорошее. Помнишь, когда он тебе первую игрушку – самосвал купил. И много всего тебе покупал, не жадничал. И на рыбалку брал. У каждого человека свой жизненный путь. Вот он и ушел... Если когда-нибудь встретишь его, отнесись по-доброму, без обиды – он ведь нам ничего плохого не сделал. Пусть ему будет хорошо. Согласен? И нам пусть будет хорошо. Да?

=====

Отказ быть крестными родителями Маре пришлось объяснить, подружки все узнали и собрались на "военный" совет. Лора рассказала и о том, что врач посоветовала искусственное оплодотворение. Это было ново, непривычно и потому страшно. Рядили так и эдак.

– Тебе за 25. Если сейчас не родишь, то потом никогда не решишься. (Наташа)

– А я тебе все детские вещи буду отдавать – ты же от моего лапочки не побрезгуешь?.. (Мара)

– После декрета даже через три месяца сможешь выйти на работу, будешь брать дитя с собой, ты же в детском отделении работаешь, там ребеночек все время при тебе будет и кормить в перерывах сможешь. (Наташа)

– А Шурик уже большой, самостоятельный. (Мара)

– Верно. Они с моей Варенькой – отличные помощники будут. (Наташа)

И Лора решилась. Решилась не столько под влиянием подружек, не только потому, что вдруг неожиданно вспомнила предсказание цыганки, а из-за внутреннего упорного желания доказать Алексею, что она не бесплодная и может родить.

Мара, оставив ребенка на три часа, побежала проводить подругу на столь ответственную процедуру, придирчиво выбирала донора по фотографиям (Чтобы волосы были каштановые, как у Алексея). Потом, чмокнув Лору, убежала.

=====

Прошло около трёх лет. Жизнь текла своим чередом. У Лоры росла чудная дочка Машенька. Шурик с Варей вместе учились, сидели за одной партой. Вместе ходили в Дворец пионеров – только Шурик ходил в изостудию, а Варя – в драмкружок.

Иногда Наташа давала Варю в нагрузку братика, чтобы провела с ним воскресенье, свела на мультики (у нее опять срочный заказ). Варя с Шуриком не возражали: во-первых, пацан был не капризный, во-вторых, это было не часто, а в-третьих, что было немаловажно, полученные при этом пять рублей были как нельзя кстати. Билеты в кино на дневной сеанс на мультики стоили десять копеек (10 x 3 = 30 копеек) и столько же на мороженое и на карусель для ребенка. То есть чистый доход составлял четыре рубля, которые Варя с Шуриком тратили на билеты в ТЮЗ (оба были завзятые театралы).

В один из таких дней они попали на прекрасный мультфильм «Мама для мамонтёнка». В нем рассказывается о мамонтёнке, который когда-то замёрз в вечной мерзлоте, а сейчас оттаял и теперь ищет маму. Старый мудрый дедушка Морж рассказывает мамонтёнку, что далеко на юге есть Африка, где живут похожие на него звери. Белый медвежонок и дедушка Морж отправляют его на льдине в плавание через огромный океан. На пути через океан мамонтёнок поет песенку:

По синему морю к зеленой земле
Плыву я на белом своем корабле,
Меня не пугают ни волны, ни ветер,
Плыву я к единственной маме на свете.
Плыву я сквозь волны и ветер
К единственной маме на свете.
Скорей до земли я добраться хочу.
“Я здесь, я приехал” – я ей крикну.
Пусть мама услышит, пусть мама придет,
Пусть мама меня непременно найдет.
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети.
Ведь так не бывает на свете,
Чтоб были потеряны дети.

(Автор слов – Д.Непомнящий, композитор – В.Шаинский. Эта песенка в настоящее время является неофициальным гимном учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.)

Мамонтёнок добрался до Африки и встретился с обезьянкой.

– А зачем тебе мама, разве ты маленький? – спросила она.

– Я ищу свою маму, – упорно сказал мамонтёнок.

Наконец, он нашел слониху, обнял ее за ногу, а она гладила его своим хоботом по спине. Если быть точным, то слониха – не его родная мама, она видела, что он чужой и очень лохматый, но, пожалев его, "усыновляет". Картина была очень трогательная. Особо чувствительные девочки громко хлюпали носами. Шурик долго крепился, но в конце не выдержал. В зале было темно, Варенька сделала вид, что не заметила, как он украдкой вытирает слёзы.

Потом, после кино, они посадили пацана на карусель, а сами, как взрослые родители, присели на скамейку. Наконец, он поделился своими переживаниями с самым близким другом, с Варенькой:

– Тетя Лора говорила, что моя мама уехала с кавалером и оставила меня на некоторое время. И я все время фантазировал, как это будет, когда она придет за мной, как мы встретимся... Прошло много лет, и я думаю, что Лора знает, но не говорит мне, в чем дело. Может, моя мама или не хочет за мной приезжать, или вообще умерла, или... сидит в тюрьме?.. Я не говорю с тетей Лорой на эту тему, не спрашиваю, чувствую, что она сильно расстроится. Она так меня любит! Наверное, из-за меня и с дядей Алешей разошлась. Хорошо, что у меня есть такая хорошая тетя.

– Не тетя она тебе, – сказала всезнающая Варя и тут же зажала себе рот рукой. Но было уже поздно. Шурик выпытал у подружки, все, что она знала, но столько лет хранила его тайну. Она всегда подслушивала, о чем говорила ее мама с тетей Марой и тетей Лорой, особенно, о том, что касалось Шурика. Но не рассказывала ему, подсознательно оберегая от ненужных переживаний, а сейчас вот, вырвалось.

– Тетя Лора обнаружила тебя в квартире Виктора Михайловича – ее папы.

– Это я помню.

– Она так и не нашла, кто тебя оставил... Она и вправду тебя очень любит. Помнишь, как она тебя защищала перед директрисой, когда ты окно нечаянно разбил? А вот у Васьки из нашего класса и папа, и мама родные, а приходит весь в синяках. Отец лупит, а мама даже не останавливает. Так что ты думаешь,

он счастлив, что у него есть родные родители? Он сказал, что через год сбежит из дома, он узнавал, в юнги можно пойти с 15 лет. А у тебя такая хорошая семья, и Машенька маленькая тебя как братика любит, и все вокруг, – успокаивала Варя друга.

=====

В один прекрасный день Шурик с Варей стояли перед афишей у Дома Культуры, мысленно подсчитывая свои капиталы в общей копилке. Копилка недавно оскудела, потому что друзья купили большую куклу Машеньке на предстоящий вскорости день рожденья. На билеты катастрофически не хватало. А на афише был изображен красавец мужчина с чёрными-пречёрными волосами, магнетически завораживающими глазами. Усы у него были, как у Сальвадора Дали, борода – как у Д'Артаньяна. На нем был расшитый камзол, сверху плащ в блестках... На заднем плане стояла очаровательная блондинка – видимо, ассистентка.

– Не могу понять, на кого-то эта блондинка похожа, ты не видишь? – спросила Варя, зная, что у Шурика, как у хорошего художника, острый глаз, улавливающий все мелкие детали. Он не ответил, подробно изучая афишу, которая гласила, что счастливых жителей города ожидает необыкновенная встреча с астрологом, звездочетом, профессором черной и белой магии, мастером телепортации, теоретиком метапсихологии, поклонником мистицизма. Он производит дематериализацию и рематериализацию (для непосвященных – переносит предметы из нашей трехмерной грешной земли в четвертое измерение и обратно). Великий просветленный гуру, знаток Аюрведы и прочих Восточных практик. И еще много других непонятных слов. Пойти на представление ужасно хотелось... Дети шли домой, обсуждая различные варианты добычи необходимой суммы. И вдруг из-за угла вышел Алексей, и они столкнулись буквально нос к носу.

– Ой! Здравствуйтесь, дядя Алеша, – первой опомнилась, конечно, Варя.

– Привет, ребятки. Какие вы стали большие! – Алексей протянул руку Шурику.

– Здравствуйтесь, дядя Алеша, – Шурик ответил на крепкое пожатие.

– Как живете-поживаете?

– Хорошо, дядя Алеша.

– А у тети Лоры девочка родилась. Машенька. Скоро 2 годика будет, – объявила Варя с каким-то неосознанным женским коварством.

Она не знала всех подробностей, которые подруги поклялись никому, даже мужьям, не рассказывать. Единственные фразы, которые она мельком слышала: "Потом будет жалеть. Пусть теперь помучается. Будет локти кусать..." Варя поняла, что это относится к дяде Алеше, но не понимала их подоплёку. А теперь, после сказанного, она увидела, как изменилось его лицо и округлились глаза, и поняла, что попала в точку.

– Сколько? Два годика? Когда будет два?

– Через... через полтора месяца.

Шурик внимательно смотрел на обоих.

– Ну, ладно, мы пойдем.

Не успели подростки отойти на несколько шагов, как Алексей позвал Шурика. Варя деликатно осталась на месте, все равно она все потом узнает от своего друга.

– А что, Лора вышла замуж? – тихо спросил Алексей.

– Нет.

– Она очень сердится на меня?

– Нет, что вы, дядя Алеша. Она очень хорошо отзывается о вас. И я тоже. Вы всегда по-доброму к нам относились. Спасибо вам.

И повернулся, чтобы уйти, но Алексей жестом задержал его. Он хотел спросить "Кто отец ребенка?", но не решился. Достал из кармана кошелек (Шурик заметил, что в нем было не очень много денег), вытащил две самые большие купюры по 25 рублей и протянул их Шурику.

– Это тебе и твоей сестричке. Как ты сказал ее зовут? Маша? Вот, купи что-нибудь... И тебе тоже ведь надо. Правда? Вот с девочкой гуляешь, за мороженое заплатить или на что еще...

– Спасибо! Спасибо большое!

Шурик радостный побежал к Вареньке, а Алексей все стоял и думал. Надо было бы все-таки решиться и спросить: "Кто отец ребенка?"... Пацан уже большой, все понимает, да и слышал, наверное, разговоры дома, не может быть, чтоб он не знал, кто отец девочки... Или надо было в гости напроситься... А вообще-то можно подойти к ее больнице и подождать, когда она после работы выйдет.

Жизнь у Алексея складывалась нерадостно. Через месяц после того, как он в ЗАГСе узаконил свои отношения с Клавой, она сказала, что ошиблась, что, оказывается, она не беременна. И такие ошибки случались раз в шесть-восемь месяцев, поддерживая отношения, которые грозили сломаться из-за слишком активного, шумного, бурного нрава Клавы. Если жизнь с Лорой можно сравнить с пресным блюдом, то Клава слишком много добавляла перца, уксуса и чеснока в ежедневное меню совместной жизни...

А абсолютно счастливые Шурик с Варей побежали и купили билеты на завтра на представление великого профессора разноцветной магии и мастера метапсихологии. Потом они зашли в библиотеку и Шурик выбрал несколько книг по парапсихологии.

Придя домой, он рассказал все тётке Лоре и отдал ей оставшиеся сорок рублей.

– Ты считаешь, что я не должен был брать у него деньги?

– Да ладно, чего уж там. В конце концов, он же тебе эти деньги дал. Возьми еще себе пятнадцать, а на остальные мы что-нибудь Машеньке купим.

=====

Прежде, чем посетить выступление знаменитости, Шурик попытался разобраться во мнениях ученых и не ученых о феномене черной и белой магии.

С начала 1960-х годов в печати стали появляться осторожные статьи о людях с какими-то невиданными и необъяснимыми способностями. Кто-то верил, а многие скептики обвиняли этих людей в жульничестве. Официально признавался только гипноз (хотя наука до сих пор не может четко объяснить его суть, дать точное научное материалистическое объяснение этого явления).

Роза Кулешова обладала "кожно-оптическим восприятием" т.е. она видела руками... Она могла читать через запечатанные конверты, определять цвета предметов, не видя их, и так далее. Её феномен изучали в лаборатории Института радиотехники и электроники.

Нинель Кулагина была одним из самых сильных экстрасенсов прошлого века. Она перемещала небольшие предметы, поднимала их в воздух, воздействовала на стрелку компаса, оживляла увядшие цветы, меняла химические свойства воды и кислотность растворов, структуру и состояние плотных материалов, засвечивала фотопленку через плотный конверт. Прикосновением или взглядом вызывала ожог на коже добровольцев.

Джуна (Евгения Давиташвили) была целительницей. Она, не прикасаясь к больному, исцеляла, возвращала гибкость инвалидам, оживляла неподвижные конечности, заставляла кровь бежать быстрее, питая больной орган. Но медики-ученые отказывались признать ее уникальные способности. Статьи о Джуне с трудом допускали к печати, исследователи не желали с ней работать. Всех экстрасенсов огульно обвиняли в шарлатанстве и фокусах.

Так называемое астральное зрение, или третий глаз, был замечен еще 2000 лет назад. В индийской культуре его изображали в виде реального органа зрения, расположенного во лбу между глазами. Владеющих таким органом людей называли "просветленными", потому что они видели ауру живых созданий и могли предвещать будущее.

А европейская наука говорит, что у человеческого эмбриона двухмесячного возраста присутствует зачаток третьего глаза в области центра мозга, на его поверхности находится хрусталик. Также доказано присутствие в структуре этого органа нервных клеток и фоторецепторов.

Вольф Мессинг объяснял свой дар так: "Мое подсознание связывалось с «чем-то» или с «кем-то»". Исследовать его способности, обсуждать их никто не хотел – не было такого указания-разрешения, хотя на дворе были 60-е – начало 70-х годов. Он продолжал выступать по четко составленной и одобренной "сверху" программе, а все, что не входило в нее, было категорически запрещено.

=====

А вот что прочел Шурик в книге А.И.Китайгородского "Реникса. Черная и белая магия:" <<Та магия, которая черная, – колдовство; это демонстрация таинственных явлений человеческой психики, таких, как видение через стену или передача мыслей на расстояние; это предсказание будущего и разговор с умершими предками.

Белая магия – это хорошо поставленные фокусы. Белым магом высокого класса являлся один из лучших иллюзионистов мира, наш артист цирка Кио.

Чрезвычайно существенно следующее обстоятельство: белая магия может сделать все, на что претендует черная. Фокусники великолепно угадывают мысли, находят спрятанные предметы, дематериализуют не только какие-нибудь там мелкие предметы, но чуть ли не половину состава цирковой труппы, переселяя ее совершенно непонятным образом из одного ящика в другой...

...Достаточно ясно, что белый маг может задрапироваться в черные одежды и преподнести все свои трюки и номера под метапсихологическим соусом. Ясно также, что ловкие фокусники могут дурачить таким способом не только сторонних зрителей, но и теоретиков метапсихологии. Насколько велико может быть уважение и восхищение тонким мастерством иллюзиониста, настолько же сильно должны быть осуждены шарлатаны, которые пользуются своим искусством для распространения веры в чепуху...

...Пожалуйста, запомните, дорогой читатель, что ловкий иллюзионист все это может выполнить. Учтите также, как много людей способно получать удовольствие от одурачивания своих близких. Эти два обстоятельства должны заставить нас понять, почему нельзя брать на веру не только чудеса, о которых нам рассказали, но и те чудеса, которые мы "видим" своими собственными глазами.>>

=====

И вот, наконец, Шурик с Варенькой сидят на представлении. После прочтения книги профессора Александра Исааковича Китайгородского "Реникса" Шурик, зараженный его скептицизмом, пристально приглядывался к номерам мага-фокусника. Особенно внимательно смотрел он на ассистентку, которая могла незаметно подсказывать магу. На афише дама выглядела намного моложе и красивее.

Фокусник-гипнотизер демонстрировал много удивительного. Он перемножал огромные числа, читал слова через непрозрачную доску, угадывал мысли, читал записки через запечатанные конверты, находил спрятанные предметы, вещи у него исчезали и обнаруживались в совершенно неожиданных местах.

Несколько раз Шурик заметил, что ассистентка что-то шепотом подсказывала мастеру, но что именно, и как это влияет на результат, понять не мог. Тем не менее она чем-то привлекала его внимание, что-то в ее лице удерживало взгляд. Яркие синие глаза с еще более синими тенями, крашенные волосы, немолодая, но молодящаяся женщина...

Шурика особенно интересовал гипноз – способность мысленного внушения. Он с нетерпением ждал обещанного сеанса.

После перерыва гипнотизер вышел в другом наряде и в блестящем высоком колпаке со сверкающей кисточкой на конце. Он стал отбирать зрителей, поддающихся гипнозу, велел смотреть на ритмично покачивающуюся кисточку – вводил их в транс. Потом он давал различные задания: одному – вытащить кошелек из кармана соседа, другому – собирать цветы в поле, третьему – поймать птичку. Первый выступающий, воровато оглядываясь, вытащил кошелек. Гипнотизер шёлкнул пальцами и разбудил парня.

– Ты почему украл у человека кошелек? Он сейчас вызовет милицию, – сказал он, показывая на кошелек.

Парень побледнел и бросил кошелек на пол. Зал хохотал.

Второй загипнотизированный ходил по сцене, нагибался, "собирая цветы", и нюхал их с блаженной улыбкой. Третий смешно прыгал – "ловил птичку" на потеху всему залу.

Эмоциональная Варенька хотела тоже выйти на сцену, но Шурик категорически запретил.

– Посмотри, как он издевается над ними, он заставляет их делать что-то, чтобы над ними смеялись. И у него недобрый взгляд. Он злой человек.

Потом гипнотизёр сказал, что, по возможности, будет помогать желающим избавиться от вредных привычек. На сцену вышли трое – очень похожие друг на друга. Отец и два сына. Старший сын сказал,

что у отца большие проблемы со здоровьем, врачи велят отцу бросить курить, а он не может. Они с братом тоже курят, вот теперь решили все втроем бросить и просят помощи. Гипнотизер попросил ассистентку поставить три стула на сцене, с краю, около кулис, чтобы не мешать представлению, посадил на них троих жаждущих, велел им взять в руки по незажженной сигарете и спокойно сидеть и смотреть на него. После них вышла девушка, которая не могла избавиться от вредной привычки – грызть ногти.

– Ты мышей боишься?

– Ужасно.

– Смотри на кисточку на колпаке.

Кисточка качалась, и вместе с ней покачивалась девушка.

– Качается, как змея, когда вылезает из корзины факира под его дудочку, – шепнул Шурик Варе.

– Каждый раз, когда она захочет погрызть ногти, она увидит на них маленькую мышку и, конечно, не захочет ее грызть, – объяснил гипнотизер.

Потом он щелкнул пальцами, возвращая девушку в сознательное состояние.

– Теперь погрызи ногти.

Дикий вопль потряс зал, девушка трясла руками, как будто стряхивая с них что-то. Зал визжал от восторга.

И вдруг Шурик, ничего не говоря верной подружке, сорвался с места и бросился на сцену.

– Что-то случилось с моей памятью, я прекрасно помню один день моей жизни и полностью забыл предыдущий день, а это для меня очень важно. Помогите мне вспомнить, пожалуйста.

Гипнотизер жестом велел ассистентке посадить Шурика рядом с уже сидящими на сцене людьми.

– Посиди, пока вспоминай тот день, который помнишь. Я к тебе потом подойду.

После Шурика одна пожилая дама слезно умоляла избавить ее от бессонницы.

Она была введена в состояние гипноза, гипнотизер написал что-то на бумажке, свернул бумажку несколько раз, разбудил женщину и вручил ей бумажку.

– Слушайте меня внимательно. Каждый раз, когда вы раскроете бумажку, прочтете написанное там слово, вы сразу же впадете в гипнотический сон на один-два часа, который сам по себе перейдет в нормальный сон. Не открывайте эту записку где-нибудь в автобусе или в парке на скамейке! А только дома в постели! Ясно?

Когда ассистентка поставила стул в нужное место и усадила Шурика, он увидел ее очень близко. Что-то в ее лице еще раз привлекло его внимание. Он же хорошо рисовал, ему удавались портреты и очень захотелось ее нарисовать. Брови были разные, одна бровь была выщипана и нарисована заново. Никто бы не смог заметить этого, но Шурик был хороший рисовальщик, и от его наблюдательного взгляда не ускользнуло то, что выщипан был изломанный уголок брови. Вот что привлекло его в образе этой женщины – сходство со своим автопортретом, который он закончил рисовать неделю назад. Внутри что-то похолодело. Но он справился и старательно начал выполнять задание гипнотизера.

“...Я стоял в подъезде. Потом захотел пи-пи, постучал в дверь, а она сама открылась.

Я вошел, подошел к дяде и спросил: "Дяденька, ты что, больной?" Он сказал: "Да". Тогда я спросил: "Можно мне пойти в туалет?" Он показал мне рукой куда. Я пошел, пописал. Потом я подошел к нему и спросил: "Может быть, тебе надо дать лекарство?" Он сказал: "Нет". Тогда я спросил его: "А может, ты хочешь кушать – здесь в баночке твоя еда". Он сказал: "Лучше ты покушай, не стесняйся. Сейчас придет моя Ларочка-Ларисочка. Она нам еще много еды даст". Я и поел. Потом вошла Ларочка-Ларисочка и стала сильно плакать. Я обнял ее, потому что тоже хотел плакать. А потом она отвела меня к тете Наташе. Все спрашивали меня откуда я пришел, кто моя мама, а я не знал, я не помнил..."

Гипнотизер подошел к Шурику, сделал несколько пассивных двумя руками – одна рука была над его головой, вторая – рядом.

– Сейчас все вспомнишь, – сказал он, резко щелкнул пальцами и подошел к сидящей рядом тройке мужчин с папиросами в руках.

...И Шурик вспомнил комнату, грязную, неубранную, несколько чемоданов, стоящих у двери. Он сидел на одном из чемоданов. То есть они собирались куда-то уезжать. Заплаканная женщина сидела на кровати. "Что делать? Что делать?" – причитала она. Это была женщина с афиши. Потом он видит, как

они уже едут в легковой машине. Лица человека за рулем он не видит, но слышит его знакомый голос, очень злой и резкий.

– Мы же договорились, что ты оставишь его у Валентины.

– Её не было дома, дверь была закрыта, – плаксивым голосом отвечала его мама (сейчас Шурик понял – это была его мама), – я же не могла оставить его в подъезде одного...

– Почему нет? Валентина пришла бы позже и забрала бы его. Послушай, сколько можно обсуждать этот вопрос: карьера или ребенок. Ты сделала свой выбор, теперь не реви.

Он остановил машину, вышел, открыл заднюю дверцу и сделал пассы двумя руками: одна рука над головой Шурика, вторая – рядом, над мамой.

– Забыть! – Сказал он и щелкнул пальцами.

Потом властно протянул Шурику руку. Они зашли в какой-то подъезд. Мужчина (теперь Шурик мог разглядеть его – это был гипнотизер) отпустил его ручку.

– Стой здесь.

И Шурик услышал звук отъезжающей машины.

...Очнувшись от сомнамбулического состояния, первое, что Шурик увидел – это напряженное лицо и округлившиеся глаза ассистентки. Видно, она тоже вспомнила, ведь гипнотизер делал пассы двумя руками, так же, как 10 лет назад, когда приказал им обоим все забыть...

Гипнотизер стоял с тремя мужчинами и что-то объяснял залу. Шурик испугался, что гипнотизер по реакции ассистентки вспомнит, догадается обо всем и опять заставит их все забыть. И тогда он тихонько встал и шмыгнул за кулисы. Когда-то их школьный хор выступал на этой сцене, и Шурик знал расположение всех комнат и переходов за сценой. Там была пожарная лестница и выход на улицу, откуда он благополучно вышел и стал ждать Варю.

Бедная Варенька не знала, что делать. Она видела побледневшего Шурика, видела его переглядки с ассистенткой, видела, как он юркнул за кулисы. Что делать? Ждать его здесь? Может, он вернется или выйдет из запасного выхода на улицу?

Гипнотизер тем временем объяснял залу ситуацию с курильщиками.

– Мое выступление заканчивается. Сейчас эти люди выйдут на улицу. Пожалуйста, не предлагайте им закурить. Если они закурят, им станет плохо, их вырвет. Впрочем, практика показывает, что все равно меня никто не слушает, все хотят проверить. Вот как эта гражданка в четвертом ряду, не выдержала, раскрыла записку, прочла, и теперь спит беспробудным сном... Спящая царевна...

Все повскакали с мест посмотреть на “спящую царевну”. Женщина сладко спала, положив голову на плечо соседки.

– Вы с ней вместе пришли?

– Да, я ее подруга. Мы вместе пришли. Боже мой, что я теперь буду с ней делать? Голубчик, пожалуйста, разбудите ее.

Чем дело закончилось Варя не дождалась, выбежала и стала оглядываться, догадалась зайти за угол и увидела Шурика. Они сели на скамейку в небольшом скверике неподалеку от Дома Культуры. Оттуда, с угла им были видны и главный вход, и служебный выход. Шурик напряжено молчал, а Варя терпеливо ждала, хотя внутри все дрожало от любопытства. Она начала рассказывать, что сказал гипнотизер по поводу курильщиков и про заснувшую любопытную даму. Варя была умная девочка. Слушая разговоры взрослых, она многое мотала на ус. Ее мама часто учила нетерпеливую тетю Мару: "Имей терпение, молчи и жди. Если муж придет с работы угрюмый, сначала накорми, приголубь, но, самое главное, молчи, не приставай. Он сам расскажет, а расспросами ты все испортишь."

Вот Варя ждала и, естественно, дождалась. С кем еще Шурик мог поделиться, как не с ней?.. Сначала он взял с нее страшную клятву, что она никому-никому не расскажет, долго не мог начать, сидел грустный, переваривая своё открытие. Потом подвел Варю к афише и слегка карандашом подправил одну бровь.

– Видишь теперь, на кого она похожа?

А потом, конечно, он ей все рассказал. Что делать? Как помочь другу? Что посоветовать? А что вообще можно посоветовать в такой ситуации?

– Ты хочешь поговорить с ней?

Шурик задумался. А действительно, чего он хочет? О том, что Лора – не его тетя, он узнал недавно, но это никак не изменило ни его отношения к ней, ни счастливого течения его жизни с повседневными хлопотами, дружбой с Варей, домашними обязанностями, помощью Лоре, заботами и вниманием к Машеньке, с друзьями в школе, успехами в изостудии... Жизнь по всем параметрам была хорошая, можно сказать, счастливая, и менять ее Шурик не хотел. Поговорить с... этой женщиной – трудно было назвать ее мамой даже мысленно? Пристыдить ее, мол, как ты могла бросить своего ребенка? Прямо театральная сцена – монолог Незнамова: "Я пью за матерей, которые бросают своих детей..." Так она не сильно виновата – это он ее загипнотизировал.

Шурику было ее почему-то очень жалко. Она страдает, а сейчас, после того, как все вспомнила, страдает во много раз сильнее. И, наверное, не знает, что делать, мучается...

– Я хочу просто, чтобы... она знала, что мне хорошо живется, что я не пропал, не погиб. Пусть не переживает... Пусть живет себе спокойно своей жизнью... А я – своей. Ты подойдешь к ней и все это скажешь.

– Почему я? Я не смогу, – попыталась возразить Варя.

– А я совсем не могу. Вдруг она начнет плакать, а гипнотизер опять сотрет мою память?

В это время они увидели выходящих из служебного выхода гипнотизера и его ассистентку. Он был без бородки и усов, какой-то серенький, казался ниже ростом, чем был на сцене. Она шла с каким-то каменным лицом. Оба везли по чемодану на колесиках. Тогда такие чемоданы были только за границей, у нас они были в новинку.

Шурик сначала удивился, что они идут пешком – не на машине, – но потом догадался по направлению их пути: они шли через площадь к главной гостинице города. Шурик вскочил и, прячась за деревьями, на порядочном расстоянии следовал за ним, Варенька не отставала. И вот швейцар широко распахнул дверь, и артисты вошли в прохладный холл гостиницы. А преследователи в растерянности остановились. Что делать?

Если желание сильно, то случай приходит на помощь (надо только не растеряться и воспользоваться этим). К строгому швейцару одновременно подошли: слева – представительный мужчина и о чем-то спросил его, а справа подошла семья – папа и мама с детишками и чемоданами. Шурик подскочил к ним: "Давайте я вам помогу" и потянул Варю за собой. Швейцар был занят разговором, краем глаза видел большую семью с чемоданами, которая не вызывала никаких подозрений.

В холле ассистентка – мама! – получала ключи от номера. Гипнотизер подвинул ей свой чемодан, бросил через плечо: "Иди в номер, я в баре посижу" и ушел вглубь коридора.

Шурик спрятался за колонну и давал Вареньке последние указания.

– Смотри внимательно, если вдруг появится Он, сразу убегай. На меня не смотри, я после тебя выскочу. А ей скажи: "Ваш сын жив и здоров, попал к хорошим людям. У него на вас обиды нет. Он желает вам счастья".

Варенька с сильно бьющимся сердцем пошла к женщине, поддерживая сама себя крепко сжатыми кулаками.

– Здравствуйте. Я была на вашем выступлении. Очень необыкновенно, – Варя не смогла сразу начать с главного.

– Спасибо, девочка, мне очень приятно, что тебе понравилось.

– Меня попросили сказать вам, что ваш сын жив и здоров, попал к хорошим людям.

Ассистентка схватила Варю за руку и крепко, до боли сжала ее.

– Где он? Где он? – вскричала бедная женщина, – я догадалась, это был тот паренёк, который сидел на сцене рядом с курильщиками. Девочка, миленькая, скажи, где он?

Во время разговора с Шуриком в Вареньке восставало ее женское, материнское начало, она мысленно возмущалась, как он может жалеть эту женщину, эту подлую тварь, отказавшуюся от самого дорогого существа? Такого маленького... Не спорила, не возражала Шурику, но внутри все кипело от негодования. А сейчас, когда женщина вцепилась в ее руку, как утопающая, когда она молила: "Девочка, миленькая, скажи, где он?", Варя вдруг пожалела ее, и слезы брызнули...

– Отпустите, пожалуйста, мою руку. Еще он передал, что он на вас обиды не держит, желает вам счастья. Отпустите, пожалуйста, мне больно. Я обязательно передам ему, что вы хотите встретиться.

И, воспользовавшись ослаблением сжимавшей ее руки, Варя вырвалась и убежала.

Дома Шурик постарался как можно скорее пойти спать, чтобы Лора ничего не заметила. Он решил, что когда-нибудь, позже, может, через месяц или через год, или через два, он ей расскажет, но не сейчас.

=====

После встречи с Шуриком, после того, как Алексей узнал, что Лора родила дочку, он, конечно же, решил с ней встретиться. Но сначала он сел и как следует подумал. Что же это получается? Шесть лет с Лорой не было детей, три года с Клавой – тоже нет. А Клавка постоянно врет, голову морочит... Может, и первая беременность была фикцией (хотя раньше он никогда не сомневался – то было великое и обоюдное чувство). И прежде, чем идти к Лоре, Алексей решил все-таки пойти к врачу. В гражданской одежде он поехал в соседний городок к старому доктору Айболиту – все его так называли за бородку клинышком, но на самом деле он был урологом. Доктор взял анализы и все подробно Алексею растолковал.

После того, первого, несохраненного ребенка, Алексей ушел в армию и там, возможно, как предположил доктор, или получил какую-то небольшую дозу радиации, или подморозил свои важные органы. Причину сейчас искать просто незачем – факт остается фактом – сперма не жизнеспособная. Лечения нет. С возрастом положение отнюдь не улучшается.

Вот так первый аборт – весьма опасная операция – не только может оставить женщину бесплодной, но и мужчину лишить счастья отцовства.

– Не расстраивайтесь вы так, голубчик. Возьмите ребеночка на усыновление – благородное дело.

– Да, да, конечно. Еще вопрос, доктор. А три года назад у меня мог быть ребенок?

– Видите ли, дорогой, я не видел вас три года назад, поэтому ничего определенного сказать не могу. Вероятность, что попались один-два-три здоровых живчика и сделали свое благое дело, есть, хотя очень мала. А почему вы спрашиваете?

– Я разошелся с женой около трёх лет назад, а она родила девочку. Как узнать, моя ли она дочка?

– А что, она алименты просит?

– Нет, нет, она ничего не просит и никогда не попросит...

– Тут мы из сферы медицинской входим в область психологии семейных отношений. А в этом деле я профан. Все говорят, что я хороший врач, но женская логика мне никогда не была доступна. Я всегда терялся и даже сейчас, на старости лет, часто поражаюсь их поведению: то редкий альтруизм, то жуткий эгоизм – ничего не поймешь. Делать генетическую экспертизу она вам может не разрешить, и стоит это очень дорого, да и незачем.

=====

Лора предполагала, что Алексей захочет встретиться: или подойдет к дому, или подождет ее после работы. Целую неделю Лора таскала с собой туфли на каблуках и тщательно отглаживала выходные кофточки, чтобы выглядеть нарядно, но его все не было. Наконец, ей это надоело и тут, конечно, он пришел – очень грустный и какой-то неухоженный, а может ей показалось. Но и без элегантных нарядов Лора выглядела великолепно. Роды пошли ей на пользу. Она чуточку поправилась, самую малость, превратившись из худого угловатого подростка в стройную даму. Пользовалась в меру косметикой (не то что у Клавы – на лице полкило штукатурки и приклеенные ресницы...)

Поговорили... Лора все время ждала вопроса, кто же отец Машеньки, но Алексей не спрашивал. Она пошла в детский садик, за Машенькой и спокойно шла рядом с взволнованным Алексеем. Расспрашивала весьма доброжелательно о его продвижении по службе, о его друге, с семьей которого они так хорошо когда-то проводили время. Алексей тоже вежливо спросил о Наташе и Маре, но думал о другом и ответов не слушал.

– Скажи, ты могла бы когда-нибудь простить меня?

– За что? Я совсем, ни капельки не обижена на тебя. Мы жили нормально, никогда не скандалили... Просто не сложилось у нас...

– Знаешь, я уеду, – Алексей сказал это неожиданно даже для себя самого. Вернее, где-то в подсознании тлело это желание поменять все: семью, город, работу... – Мой армейский товарищ живет за Уралом, вот к нему и махну...

Лора молчала.

– Я буду посылать деньги – трудно тебе с двумя детьми...

– Это необязательно. Я правда не бедствую. У меня подработка есть, уколы делаю на дому. Старикам ташиться два раза в день в поликлинику тяжело, вот меня и зовут. Все рубль берут за укол, а я – 75 копеек, так отбоя нет. Сейчас вот в одном доме сразу три клиента. Утром до работы зашла и вечерком забегу, вот 4.50 за день. Так что не считай себя обязанным нам помогать. Дай тебе Б-г удачи и хорошую семью.

=====

На этом, собственно, рассказ можно и закончить. Вся интрига – откуда появился мальчик Шурик – разъяснилась.

Но читатель, думаю, не простит мне этой незавершенности и захочет узнать, как сложились судьбы остальных действующих лиц.

Гастроли гипнотизера на все последующие дни были отменены. Он все время проводил в баре или в номере, а его ассистентка – у входа в гостиницу. Она целый день стояла рядом со швейцаром, оглядывала всю площадь, в ожидании. Через неделю они уехали. А на следующий день в местной газете было объявление, что известный профессор черной и белой магии, мастер телепортации, теоретик метапсихологии, мистик, знаток спиритизма и т.д и т.п. не справился с управлением, машина врезалась в дерево. Он и его ассистентка погибли.

Варенька спрятала эту газету. Может, Шурик пропустил это сообщение, а может, узнал. Она больше никогда не говорила с ним на эту тему.

После окончания школы Шурик с Варенькой планируют поступать в театральный институт. Она, конечно, в артистки, а он хочет стать или театральным художником, или режиссером.

Старый дом на ул. Щорса совсем развалился. Жители получили по квартире в новом микрорайоне, но переехали не все. Василиса Степановна переселилась в лучший из миров. Перед смертью она попросила Алексея Семеновича позаботиться о Герасиме.

После импульсивно сказанных слов об отъезде Алексей твердо решил уехать. Развелся с Клавой. Но перед отъездом надо было выполнить обещание и устроить Герасима. Старого завмага посадили, обнаружив определенные нарушения (что было обычным делом в период "развитого социализма" и дефицита продуктов). Новый завмаг не хотел держать Герасима в подсобке, да еще без документов и должного оформления. Тогда Алексей написал справку о том, что у тов. Герасима украдены документы, которые в настоящий момент находятся в стадии восстановления, что он характеризуется с самой лучшей стороны (честный, отзывчивый, морально устойчив и т.д.) и будет прилежным работником мусора и метлы. Эта нелепая справка была на официальной бумаге и с печатью. И повез Герасима за город в Божедомку. Оказывается, не только в Москве еще с дореволюционных времен народ называл дом престарелых "божьим домом" – божедомкой. Звучит намного теплее...

Алексей устроил Герасима в этот дом дворником и попросил заведующего взять Герасима в этот же дом пациентом, когда он совсем состарится и не будет в состоянии работать. Герасима поселили в маленькой комнатке с мебелью и даже с газовой плитой. Всегда был накормлен, мог пользоваться душем. Он тщательно убирал двор, помогал нянечкам вывозить на колясках во двор немощных. Был очень доволен жизнью. И даже пригнул у себя бездомного песика...

Алексей уехал к другу. Там, на новом месте он сразу устроился – милиционеры всегда нужны. Присылает три раза в год на дни рождения Лоры, Шурика и Машеньки по сто рублей. Так как это были подарки, а не обязательные регулярные поступления, Лора принимала. Шурик писал благодарственные письма, Лора делала приписку "с наилучшими пожеланиями"... Через год Алексей возглавил детскую комнату милиции и весьма успешно работает с детьми. Свое сорокалетие он отпраздновал уже с новой семьей.

А Лора? Лора тоже устроила свою жизнь...

В ее отделение поступили двое детишек – мальчик шести и его сестричка трёх лет. Их с высокой температурой привез отец – вдовец. Весь обслуживающий персонал восхищался его самоотверженной заботой о детях. Нежность и внимание Лоры ко всем детишкам отделения и, особенно, к его детям не остались незамеченными. После выздоровления они часто встречались в парке, выгуливая своих подружившихся детей. Мара и Наташа активно обсуждали сложившуюся ситуацию.

– Ну, что ты тянешь? Такой мужик – и видный из себя, и порядочный, внимательный и заботливый. И еще, главное, дети тебя полюбили. Что тебе еще надо?

Деликатная Лора не напомнила им, мол, вы мне то же самое говорили и об Алексее. Надо не умом рассуждать, а сердце свое спрашивать. А сердце ее кричало, пело и плакало одновременно. Лора влюбилась. И очень боялась, что ОН ухаживает только из-за детей, за ее доброе отношение к его детям, что будет постоянно сравнивать ее со своей покойной женой...

Десять лет назад странные слова сказала цыганка Лоре: "Сердце у тебя доброе... Детей будет много... Рожать два раза будешь..." Она тогда обсуждала с подругами это предсказание. Мара предположила – иметь много детей, а рожать только два раза возможно при двойнях или даже тройнях... Более трезвомыслящая Наташа тогда сказала:

– Кроме близнецов, есть вариант, что ты выйдешь замуж за вдовца с двумя-тремя детьми и сама родишь два раза.

Все оказались правы – и цыганка, и Мара, и Наташа...

Доктор, наблюдающая течение ее беременности, обращает внимание на очень большой живот: "А не двойня ли там?"

Друзья, у меня хорошая новость - я получила Диплом первой степени от Союза писателей Северной Америки за повести "Шурик" и "Школьные годы".

